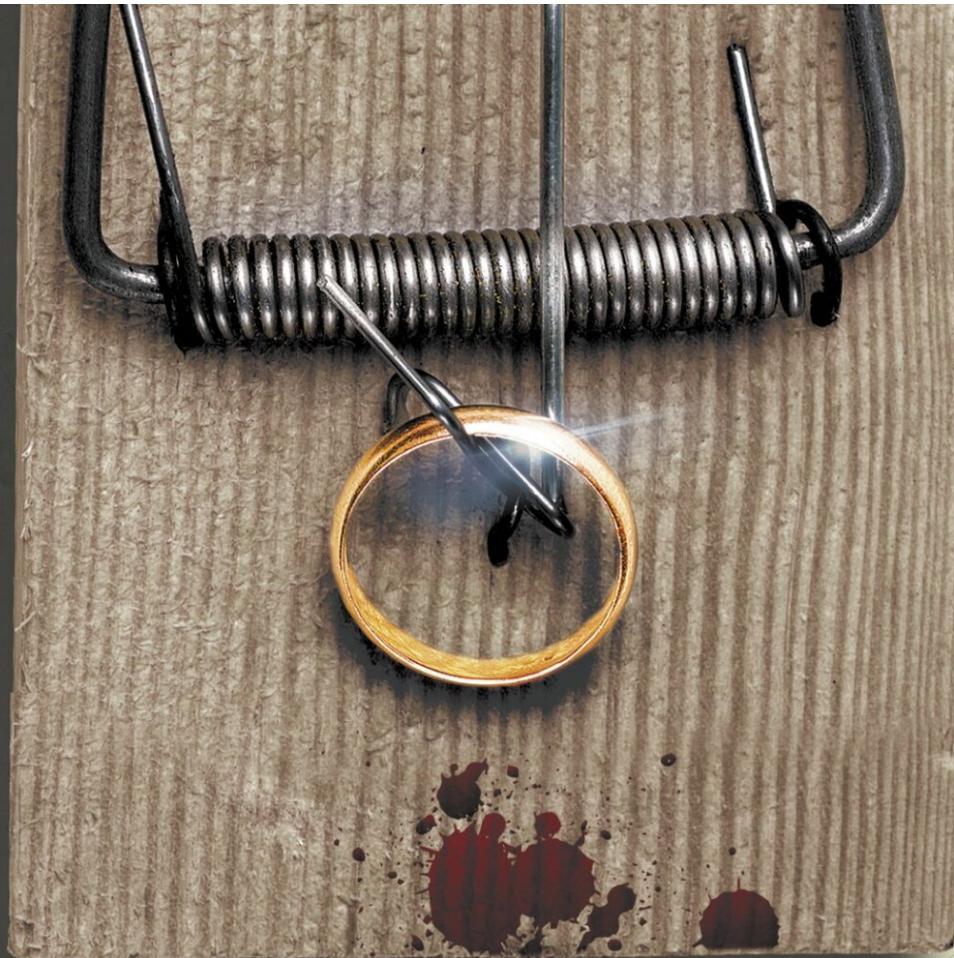

От автора
бестселле-
ров New
York Times
и Amazon
Charts.

ГРЕГГ ОЛСЕН

В «Затаившемся» Грегг
Олсен проделал
первоклассную работу над
психологически сложным
сюжетом, полным
захватывающих крутых
поворотов!

Popular Culture
Association

ЗАТАИВШИЙСЯ

Идеальный триллер

Грегг Олсен

Затаившийся

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Олсен Г.

Затаившийся / Г. Олсен — «Издательство АСТ»,
2019 — (Идеальный триллер)

ISBN 978-5-17-120259-0

Адам и Софи Уорнер – супружеская пара, которая переживает тяжелые времена в браке. Для спасения ситуации они решают провести выходные на озере. Но в первый же день отдыха Адам, находясь в лодке с трехлетней дочерью, становится свидетелем похищения жены. Адам безутешен и надеется, что в поисках жены ему поможет старая подруга – детектив Ли Хуземан. Она собирает факты, складывая кусочки головоломки из жизни Адама и Софи в единое целое. В процессе расследования детектив понимает, что Кристен и Коннор Мосс, живущие в коттедже по соседству, связаны с супругами намного больше, чем говорят. Кто и зачем похитил Софи среди бела дня? И что на самом деле произошло в то утро? По мере расследования появляется больше вопросов, чем ответов. Кому можно, а кому нельзя верить в этой запутанной игре в «кошки-мышки»? Действительно ли свидетели видели то, о чем говорят? Страшные тайны выплывут наружу, и тогда все зададутся вопросом: а много ли они знают о незнакомцах, которых считают своими супругами?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-120259-0

© Олсен Г., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1	7
2	13
3	15
4	20
5	24
6	27
7	28
8	29
9	31
10	33
11	36
12	39
13	42
14	46
15	50
16	52
17	54
18	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Грегг Олсен

Затаившийся

Посвящается Крису Ренфро – умному, терпеливому и доброму

*Самка гигантского осьминога, *Enteroctopus dofleini*, – весьма коварное создание. Она крупнее, чем самец, и охотится только под покровом ночи. На каждом из ее восьми щупалец более двухсот присосок, и она преследует свою добычу грациозно и неотвратимо. В хитрости ей тоже не откажешь. Она умеет менять облик, цвет и текстуру, чтобы слиться с окружающей средой, поджидая в засаде. Даже взрослая самка, если ее поймают живьем, сможет выбраться через отверстие размером с половину долларовой купюры. Одну из крупнейших самок осьминога размером в длину больше двадцати футов выловили возле западного берега Худ-Канала, недалеко от городка Лилливаап, штат Вашингтон, в глубоководном районе, который местные называют «осьминожьей дырой».*

© 2019 by Gregg Olsen

© Лаптева В., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

1

Адам

Я прижимаю дочку к себе, чтобы она не поранилась осколками разбитого бокала. Эти осколки – единственный знак, указывающий на то, что с моей женой произошло нечто ужасное. Я судорожно втягиваю в себя воздух. Мои руки изранены шипами: я продирался через заросли малины, когда бежал к шоссе через пляж. Из царапин сочится кровь, но раны не нуждаются в перевязке, хоть кто-то и предложил мне бинт. Еще меня укутали одеялом, и теперь я сижу на пятифутовой дамбе, отделяющей пляж от трех коттеджей за моей спиной. Несмотря на этот заботливый жест, я по-прежнему дрожу. У меня нет сил поднять взгляд. Я просто сижу и пытаюсь понять, сделал ли я все, что мог, все ли я сделал правильно.

Обри ерзает в моих объятиях, глядя по сторонам своими карими глазами.

Пожилая женщина, живущая в соседнем коттедже, приехала сюда вместе со своими внуками на выходные в честь Дня поминовения. Она изо всех сил старается сохранять спокойствие. От шока ее имя совершенно вылетело у меня из головы.

Она дотрагивается до моего плеча: «Адам, давайте я отведу Обри к себе».

Она бросает взгляд на дорожку, ведущую к коттеджам. По ней едет черный внедорожник с золотыми полосами по бокам. Шериф округа Мейсон наконец-то здесь. Я гляжу на женщину (без очков у меня в глазах все расплывается) и медленно киваю: «Простите. Я забыл ваше имя».

– Тереза, – говорит она.

– Точно, – я сжимаю плечи Обри. – Милая, иди с Терезой. Поиграй с ее внуками.

Обри ничего не понимает, ей страшно. Она стала частью трагедии.

– Я хочу к маме.

– Я знаю, – говорю я. – Мы ее найдем. Я останусь здесь. Хорошо? Побудь немного с Терезой.

– Мы как раз сделали фруктовый лед, – говорит Тереза.

Обри переводит взгляд на эту милую пожилую женщину, но ничего не говорит.

– Вишневым, – добавляет Тереза, которая хорошо умеет общаться с трехлетними детьми.

– Давай, иди, – говорю я. – Папа будет здесь.

Моя малышка подходит к Терезе, а я направляюсь к внедорожнику, постепенно ускоряя шаг, а в конце вообще переходя на бег.

– Наконец, вы здесь! – кричу я полицейским. Голос срывается, и я стараюсь взять себя в руки. *Сохраняй спокойствие. Нужно объяснить им, что случилось.*

Полицейские – мужчина и женщина. Мужчина старше, у него седые волосы и очки в тонкой металлической оправе на носу.

Женщина мне знакома. Ее длинные волосы собраны в хвост. Лицо усыпано веснушками.

– Ли? – спрашиваю я.

– Адам, давно не виделись.

Ее напарник, представившийся как Зак Монтроуз, глядит на нее с любопытством: «Вы знакомы?»

Она по-прежнему смотрит на меня. Слабо улыбается воспоминаниям, хотя это отнюдь не счастливое воссоединение. Иначе и быть не могло.

– Мы выросли вместе, – говорит она. – Они с Кипом дружили.

Кипом звали ее старшего брата. Мы были неразлучны еще с детского сада. А после школы он пошел в армию и не вернулся из Афганистана. Последний раз я видел Ли на поминальной службе, когда Хуземаны провожали сына в последний путь. Я помню, как стоял перед всеми в церкви и говорил про то, каким человеком был Кип (бескорыстный... готов помочь любому...

отдать последнюю рубашку), и не мог перевести взгляд на его родителей и сестру, потому что боялся разрыдаться. Я предпочитаю держать все под контролем и быть уверенным, что все делаю с определенной целью.

– Мир тесен, – Монтроуз оглядывается по сторонам.

– Я слышал, ты стала офицером полиции, – говорю я. У Ли зеленые глаза. По ним я ее и узнал.

– Я детектив, – отвечает она, и ее взгляд неожиданно холодеет. – Расскажи нам, что произошло.

– Нам нужно ее найти, – умоляю я.

– Это мы и сделаем, – говорит Монтроуз. – Давайте побеседуем вон там.

Он указывает на террасу «Глицинии» – коттеджа, который мы с Софи арендовали на выходные.

* * *

Я излагаю основные факты. Поездка на Худ-Канал была сюрпризом. Софи сказала, что я никогда ничего не организовывал для семьи, и была права. А потом я увидел статью в «Сиэтл Таймс» о трех любовно отреставрированных коттеджах возле Лилливаапа. Они были построены в 1920-х годах, и предыдущие владельцы, заядлые садоводы, назвали каждый из них в честь цветка. Софи обожает старые дома; поэтому-то последние пять лет мы и живем в окружении вечной суеты и опилок, реставрируя кофейного цвета бунгало в стиле крафтсман 1922 года.

Я смотрю на Ли, сидящую напротив за потертым столом для пикника. Она записывает что-то в блокноте.

– Я думал, будет весело, отдохнем, расслабимся. Проведем несколько дней вместе.

– Между вами был какой-то конфликт? – спрашивает Монтроуз.

Я качаю головой: «Просто слишком много работы и слишком мало времени, чтобы наслаждаться жизнью. Не более того».

Конечно, это не так. В любом браке есть конфликты. Но я понимаю, что детективам незачем писать об этом в своих блокнотах.

– Адам, – говорит Ли, – я знаю, это будет непросто. Но ты должен рассказать нам все, что произошло. До мельчайших подробностей. То, что тебе покажется неважным, может помочь нам найти похитителя.

– И мою жену, – говорю я.

– Да, – говорит она. – Конечно. Мы здесь для того, чтобы ее найти.

* * *

В пятницу мне не удалось уйти с работы пораньше, потому что моя начальница участвует в каком-то тренинге по эффективной работе с кадрами. Она настояла, чтобы я остался в офисе и занялся отчетами, пока она изучает способы помочь сотрудникам найти баланс между работой и личной жизнью. Иронично.

Софи и Обри сели на паром из Сиэтла в Бремертон и прибыли в коттедж раньше меня, около половины шестого. Я выехал из Рентона, где работаю, проехал по Такомскому мосту и пересек Белфэр по пути в Лилливаап; в коттедже я оказался около восьми.

Ли внимательно слушает мой рассказ, Монтроуз записывает.

– Кто-нибудь видел, как ты приехал? – спрашивает Ли.

– Не знаю, – говорю я. – Наверное. У Терезы, женщины, которая сейчас приглядывает за Обри, были открыты окна и включен свет. Думаю, она меня видела. Или ее внуки.

– А что насчет другого коттеджа?

Мне хочется перейти к рассказу о происшествии, но я продолжаю отвечать на вопросы, чтобы у детективов была вся необходимая информация.

– Поздно вечером приехала пара в синем «Лексусе», – отвечаю я. – Но я с ними не говорил.

Монтроуз делает заметку: «Вы видели здесь кого-нибудь еще?»

Это же не Центральный вокзал, думаю я. Но вслух не говорю.

– Пожилого мужчину с собакой. Еще утром здесь играли дети из дома чуть дальше. Больше никого не было. Или я не заметил. Я не обращал внимания на посторонних. Просто хотел провести время с Софи и Обри.

Мой голос срывается, когда я произношу имя Софи. Но я пытаюсь сдержать эмоции.

Я рассказываю, что развел костер, когда приехал. Софи по дороге заглянула в магазин и купила сэндвичи и пару стейков. Мы выпили по бокалу вина и посмотрели фильм – владельцы оставили несколько DVD, по большей части семейных комедий. Около девяти вечера Обри уснула, и Софи уложила ее в постель. Где-то через час мы тоже легли спать.

На следующее утро я приготовил вафли.

– Обри их обожает. А я толком и не умею готовить ничего другого.

Я слышу, как она смеется, и вижу старшего внука Терезы, раскачивающегося на канате, привязанном к ветке массивного кедра.

Монтроуз ждет продолжения рассказа: «Что случилось потом?»

– Мы с Обри сели в лодку и отправились ставить ловушки на крабов, – говорю я.

Обри, одетая в ярко-оранжевый спасательный жилет, пришла в восторг. Поверхность воды напоминала стекло – безупречное оконное стекло. Мы все утро катались на лодке туда-сюда.

– Мы просто плавали в лодке, ничего особенного.

– Не торопись, – говорит Ли. – Расскажи нам все по порядку.

Я рассказываю, что, пока мы с Обри занимались ловушками, Софи устроилась на террасе с книгой и чашкой кофе, а потом и с бокальчиком-другим шардоне.

В качестве приманки я положил в ловушки кошачий корм, и мы с Обри проверяли их каждые полчаса. Дело было даже не в крабах. Мне просто нравилось проводить время с Обри, видеть все ее глазами. Для нее этот день был полон открытий. Первая поездка на лодке. Первая встреча с чайкой. С тюленем. Я вспоминал, как катался на лодке с собственным отцом. Это был шанс узнать поближе не только природу, но и друг друга. *Кораблекрушение. Пираты. Капитан Ахав.*

– И потом вашу жену похитили? – спрашивает напарник Ли.

Он меня раздражает. Будто пытается подловить на лжи. Я знаю, он делает свою работу, но у меня пропала жена. Он мог бы проявить хоть каплю сочувствия.

– Скажи, – говорит Ли, – в какой момент ты понял, что с Софи что-то не так?

К моему удивлению, я вынужден приложить усилие, чтобы взять себя в руки. Но я достаточно силен. Я делаю вдох и продолжаю рассказ.

* * *

Мы успели отплыть на сотню ярдов от берега. Софи переместилась с террасы на бетонную дамбу. Книгу она оставила в коттедже, а бокал вина взяла с собой. Она машет нам с берега. Обри услышала, как лает вдалеке собака, и теперь я гребу в том направлении. Она очень хочет завести собаку, но мы с Софи настаиваем, что сначала нужно закончить ремонт. Для Софи это способ потянуть время. Я люблю собак. В детстве у меня дома жили золотистые ретриверы. А вот Софи собаки не по душе. Это один из немногочисленных поводов для разногласий между

нами. Софи редко меняет свое мнение. Ее твердые убеждения – одновременно достоинство и недостаток. Когда мы согласны друг с другом, то способны преодолеть любые преграды. Когда наши мнения расходятся, дело неизбежно заканчивается долгой ссорой и я всякий раз проигрываю. За пять лет нашего брака стало очевидно, что, как бы упрям я ни был на работе, дома я всегда уступаю Софи, соглашаюсь с ее идеями, планами и начинаниями. Я делаю это, потому что хочу сохранить мир в семье, потому что Софи так много для меня значит.

Мы с Обри так и не нашли собаку, и я начинаю грести обратно к коттеджу, когда внезапно раздается крик. Не пронзительный, но достаточно громкий, чтобы заставить меня обернуться к берегу. Я вижу, что моя жена борется с каким-то мужчиной. Бокал упал на землю и разбился. Софи что-то кричит, но я не могу разобрать слова. Я вновь поворачиваюсь к ним спиной и гребу так быстро, как только могу.

Обри, сидящая напротив, думает, что мы играем в игру. Я никак не могу достаточно разогнаться, хотя хожу в тренажерный зал два раза в неделю. Обри неправильно истолковывает ужас в моих глазах.

– Быстро! – кричит она. – Быстро!

Софи – довольно хрупкая женщина. В ней едва ли наберется 110 фунтов. Но она сильна. Легко может обогнать меня, и обгоняла. Когда я снова оборачиваюсь, то вижу, как незнакомец совершает нечто ужасное. Он бьет Софи кулаком в лицо. Она падает.

– Какого черта! – кричу я. – Отвали от нее!

Мне туда не добраться. Я гребу изо всех сил. Когда я оборачиваюсь еще раз, очки слетают с меня из-за резкого движения и падают в воду. Мир расплывается у меня перед глазами. Я вижу, как мужчина поднимает мою жену и уносит куда-то за коттедж.

Сердце выпрыгивает у меня из груди.

– Черт побери! Хватит! Оставь ее в покое!

Обри поняла, что это не игра. Она начинает плакать. Мне хочется выпрыгнуть из лодки и пробежать по мелководью, чтобы догнать похитителя, но я не могу оставить дочь одну. Я задыхаюсь. Пытаюсь взять себя в руки. Осталось всего двадцать ярдов. Я почти у цели.

– Помогите! – кричу я, обернувшись к «Хризантеме», коттеджу посередине, самому маленькому из тех, что стоит на берегу. Прошлым вечером я видел, как в окне горел свет, но больше ничего.

– Кто-нибудь, на помощь! – кричу я изо всех сил. Меня услышали бы даже посреди бури, что уж говорить про тихое утро. – Кто-то похитил мою жену!

Я выпрыгиваю из лодки, хватаю плачущую Обри и бегу по бетонным ступеням к лужайке за пляжем. Там я ставлю Обри на землю.

– Все будет хорошо, – говорю я. – Стой здесь. Никуда не уходи. Хорошо?

– Я хочу к маме, – жалобно говорит Обри.

– Да, милая, – я пытаюсь ее успокоить. – Я тоже.

Из коттеджа раздаются голоса, и я гадаю, не привиделось ли мне все это. Может, свет, отражавшийся от поверхности воды, исказил реальность. Я взбегаю по ступенькам террасы, пересекаю кухню, врываюсь в гостиную, окно которой выходит на Худ-Канал и покрытые хвойными деревьями холмы.

– Софи?

Конечно, это всего лишь телевизор. Софи здесь нет. Показывают рекламу кастрюли-сковарки.

Я сам словно очутился в кастрюле.

Я тяжело дышу. Мое сердце пытается вырваться из груди. У меня вот-вот случится сердечный приступ. Я упаду на этот старый сосновый пол, которым Софи так восхищалась сегодня утром, поедая вафли. *Что происходит?*

Я возвращаюсь наружу и вижу женщину с двумя детьми, видимо, возвращающуюся с прогулки.

– Кто-то похитил мою жену! Вызовите полицию! Помогите!

Женщина смотрит мне в глаза и понимает, что я не шучу. Она посылает мальчика с девочкой в «Хризантему», а сама достает телефон.

На бегу я кричу пожилому мужчине с собакой, чтобы он тоже набрал 911. Здесь ужасное покрытие. Мой телефон ловит сигнал от силы четверть времени – и не ловит, когда это нужнее всего. Как сейчас.

Я поднимаюсь по ступеням мимо джакузи, в направлении, куда незнакомый мужчина унес мою жену. Я бегу так быстро, как только могу. Я довольно высок, и заросли малины, обрамляющие дорогу над коттеджами, исполосовывают мне руки.

– Софи! Софи!

Тишина.

Добравшись до дороги, я ничего не нахожу. Ни следа Софи. Ничего. Мимо проезжает серебристая «Хонда-Аккорд», и я бросаюсь ей наперерез, но водитель не останавливается, а объезжает меня, показывая мне средний палец.

– Да пошел ты! Моя жена! Кто-то похитил мою жену!

Машина уезжает, и без очков я не могу разобрать номерной знак. Я судорожно втягиваю в легкие воздух и бегу обратно к коттеджу.

Женщина из коттеджа посередине представляется Терезой Дибли. Она говорит, что позвонила шерифу.

– Что случилось? – спрашивает она.

– Не знаю, – говорю я. – Мы с дочерью катались на лодке, и я увидел, как кто-то на берегу спорит с моей женой, а потом он ударил ее, схватил и куда-то понес. Я уронил очки. Плохо видел. Но она была прямо здесь.

Я показываю на осколки бокала, из которого Софи пила, сидя на дамбе.

– Вы тоже пили? – спрашивает Тереза.

– Нет.

С чего она это взяла? Я дрожу. Задыхаюсь. Я в шоке. Но я не пьян. Я знаю, что я видел. Или частично видел. Я знаю: кто-то похитил мою жену. В глазах Терезы смешиваются сочувствие и встревоженность.

– Полиция уже едет, – говорит она.

Я решаю расспросить ее.

– Вы кого-нибудь видели, когда приехали сюда? По-моему, он утащил ее наверх, на дорогу.

– Нет, – говорит она. – Я не видела ничего особенного.

Я думаю про все те похищения, которые видел по телевизору. Возможно, Тереза тоже про них думает. Я знаю, что многие такие случаи похожи. Какой-то урод похищает девушку или женщину, держит ее в плену, воплощает в жизнь свои извращенные фантазии.

– Нужно ее найти, – говорю я.

– Полиция скоро будет здесь.

– Да. Когда? Где они?

– Диспетчер сказал, в двадцати минутах езды.

Я смотрю на телефон. Не могу сдерживать досаду и страх. Пот стекает у меня по рукам и лбу. Я стараюсь дышать медленнее.

– Двадцать минут – все равно что час, – говорю я. – За это время он успеет увезти ее куда угодно. В округе ничего нет, кроме лесов и проселочных дорог.

Тереза молчит. Наверное, думает то же самое. Она протягивает руку в мою сторону, но передумывает. Я пытаюсь ее утешить.

– Все будет в порядке. Ее найдут. С ней все будет хорошо. Она сильная. Очень сильная. Душевно. И физически.

Тереза немного успокаивается, а Обри уже без спасательного жилета прижимается ко мне изо всех сил. Я обнимаю ее в ответ и стараюсь не думать о красных разводах, которые остаются на ее футболке с мультяшками от моих исцарапанных рук – лучше бы это была клубника, которую я положил утром на ее вафли. К нам приближается мужчина с черным лабрадором. На вид старику лет семьдесят, и он говорит с легким акцентом, который мне не удается определить. Нидерландский, может быть?

– Что-то случилось? – спрашивает он. – Я услышал, как вы кричали. Вызвал 911.

– Я тоже. Полиция скоро приедет, – говорит ему Тереза Дибли, кивком указывая на меня. – Он говорит, что кто-то похитил его жену.

Она смотрит на своих внуков, наблюдающих за нами с террасы их маленького коттеджа. – Прямо здесь, – продолжает Тереза, безуспешно пытаясь сдержать эмоции. – Прямо на пляже!

– Вы что-нибудь видели? – спрашиваю я у мужчины.

Он кивает и бормочет что-то про то, какой это ужасный шок, но я едва слышу его слова: очевидно, он видел еще меньше, чем я. Людей притягивают опасности и трагедии; они хотят выразить сожаление, да. Но еще и порадоваться собственной удаче, ведь с ними ничего подобного не случилось. Будто Бог или другая высшая сила не допустит, чтобы такое произошло с ними, раз они уже видели трагедию собственными глазами.

Я в безопасности.

Такое не может произойти дважды в одном и том же месте.

Мне ничего не грозит.

Господи, пожалуйста.

* * *

Я заканчиваю свой рассказ и перевожу дыхание. Детективы продолжают меня расспрашивать. Допытываются о деталях, которые я, к своему сожалению, действительно упустил в суматохе происходящего. Ли просит меня сохранять спокойствие, пока они с напарником дописывают свои заметки и переглядываются. Должно быть, они еще никогда не сталкивались ни с чем подобным.

– Нужно ее найти, – повторяю я срывающимся голосом.

Ли опускает блокнот: «Мы этим займемся, Адам».

2 Ли

Пока Монтроуз собирает осколки разбитого бокала, на случай если на них окажутся отпечатки пальцев похитителя, а криминалист берет у Адама образец крови, чтобы сравнить его с брызгами на осколках, я методично обхожу коттедж по периметру в поисках улики. Софи тридцать три, моя ровесница. Но в отличие от меня, у нее есть ребенок. Она графический дизайнер в офисе «Старбакс» в Сиэтле и разработала многие рекламные акции этой сети кофеен. По словам Адама, между ними не было никаких конфликтов, и нет причин полагать, что его жена знакома с похитителем. Адам не знает, зачем кому-то вообще понадобилось ее похищать.

Солнце светит мне в затылок. К зарослям малины у дороги ведет твердая, иссохшаяся тропинка. По бокам растут папоротники и триллиумы; их никто не потревожил. Я не вижу ни одного отпечатка ног. Но отдельные следы подтверждают рассказ Адама о том, как он продирался сквозь кусты в погоне за похитителем. Поднявшись наверх, я оборачиваюсь. Коттедж загораживает мне обзор, но отсюда можно разглядеть часть пляжа и бетонной дамбы, где сидела Софи. Я поворачиваюсь еще раз. На земле валяется доказательство того, что кто-то вполне мог наблюдать отсюда за коттеджами. Я подбираю окурочек и фотографирую растревоженный гравий рядом с тропинкой, ведущей к «Глицинии». Следы означают, что здесь был припаркован автомобиль или маленький фургон. Конечно, мы не знаем, когда именно это было и связано ли это с происшествием на пляже.

Я возвращаюсь и встречаю Монтроуза внутри одноэтажного коттеджа «Глициния», окаймленного сбоку массивными зарослями одноименных фиолетовых цветов.

– Как он? – спрашиваю я.

Монтроуз слегка пожимает плечами.

– Да вроде ничего, учитывая обстоятельства. Нашла что-нибудь?

– Не особенно. Только окурочек. И он, кажется, там уже давно валялся.

Мы продвигаемся вглубь коттеджа. В раковине на кухне стоят миска из-под теста для вафель и пара тарелок. На бумажном полотенце на стойке сложены зеленые черенки от клубники. Через окно мне виден Адам, сидящий на террасе. Он держит на коленях дочь и прижимает к уху телефон.

Монтроуз смотрит в их сторону.

– Звонит родителям жены.

– Незавидная работа, – говорю я.

– Хуже и не придумаешь.

Это верно. Но, если верить Адаму, Софи – сильная и храбрая женщина. Если ее похитил какой-то псих, у нее есть шанс спастись, по крайней мере я на это надеюсь. Прежде чем пойти в полицию, я проводила уроки самообороны.

– Кто вообще станет творить такое среди бела дня? – говорю я.

– Сумасшедший, – отвечает Монтроуз. – Кто-то, кто либо следил за ней, либо просто воспользовался удачным моментом.

Мы переходим в спальню с двухъярусной кроватью. Нижняя постель не убрана, на полу валяется одеяло с корабликами. Рядом с подушками лежит мягкая игрушка – персонаж из «Щенячьего патруля», того же мультфильма, что и на футболке Обри.

– Нужно поговорить с девочкой.

– Не слишком ли она мала? – сомневается Монтроуз.

Мы направляемся в главную спальню. Я замечаю женские солнечные очки рядом с сумкой, по-видимому принадлежащей Софи. Слово символ приостановившейся жизни.

– Верно, – говорю я, оглядываясь по сторонам. – Но она может что-то нам рассказать.

Монтроуз первым обращает внимание на странную деталь: правая половина кровати аккуратно застелена, подушки сложены у изголовья.

– Похоже, в постели спал только один человек, – говорит он. – Любопытно.

– Ты ему не веришь, – к моему собственному удивлению, в мой голос закрадывается нотка обиды. Хотя я не так уж близко знакома с Адамом Уорнером.

Монтроуз работает детективом гораздо дольше меня. Несмотря на то что ему пришлось на два года уйти с должности из-за алкогольной зависимости, которая вполне могла разрушить его жизнь, у него отлично развита интуиция. Но я не всегда с ним соглашаюсь: мне тоже нравится убеждаться в собственной правоте.

– В его рассказе есть пара несостыковок, – говорит он.

– Например?

– Например, то, что он не смог вовремя добраться до берега. Сотня ярдов? С такими-то бицепсами? Он явно немало времени проводит в качалке. Вполне мог догresti вовремя.

– Да он едва видел, что происходит вокруг.

– Точно. Его очки.

– Да, он их уронил.

Монтроуз корчит гримасу: «Удачное совпадение».

– Ты злишься, потому что не успел пообедать.

– Я злюсь совсем чуть-чуть.

Я вздыхаю: «Ладно, еда подождет. Давай не будем забывать. Главное – доказательства. А не то, что ты нутром чувствуешь».

Монтроуз похлопывает себя по животу, свисающему из-за ремня брюк: «Мое нутро меня не подводит».

Я улыбаюсь ему. В животе у него пусто.

– К тому же, таких похищений попросту не бывает. Прямо напротив дома.

– Это не чей-то дом, – говорю я. – Его арендуют на время отпуска. Люди здесь не задерживаются: приходят и уходят.

В гостиной почти все место занимают резная вешалка, украшенная фигурой медведя, и диван с выцветшими синими подушками. Я замечаю покрывало на диване.

– Может быть, кто-то из них спал на диване, – говорю я, обходя комнату.

– Ты имеешь в виду, он врал и между ними не все было гладко?

Я бросаю на Монтроуза взгляд.

– Я имела в виду ровно то, что сказала. Я не знаю причины, и ты не знаешь.

Ванная комната оказывается неожиданно просторной, учитывая, что коттедж построили в двадцатых годах. У стены стоит ванна на когтистых лапах; остальное пространство занимают унитаз и душевая кабина. Рядом с раковиной лежит открытая косметичка. На медных крючках у двери висит пара чистых белых полотенец, слегка влажных на ощупь.

По пути к выходу Монтроуз заглядывает в помещение, которое я приняла за кладовку.

– Ого, – говорит он. – Сауна.

– Не люблю сауны, – отзываюсь я.

– Еще и джакузи. Я бы и сам не отказался здесь пожить.

Я наклоняю голову: «Мы, вероятно, проведем здесь немало времени, но вряд ли в сауне или в джакузи».

Монтроуз смотрит на меня. В его глазах за стеклами очков загорается лукавая искорка. Я жду дежурной шутки. Что-нибудь про то, что с этим делом мы запаримся и без всякой сауны. Что нужно будет прибавить жару, чтобы вы всем разобраться.

Но мой напарник молчит. И я признательна ему за это.

3 Ли

Тереза Диббли предлагает нам кофе и газировку, но я отказываюсь. Как выясняется, она не просто заботливая бабушка. В свои шестьдесят два она в одиночку воспитывает детей своего сына – двенадцатилетнего Кларка и семилетнюю Дестини, потому что ее сына и невестку больше интересуют наркотики, нежели родительский долг. Мы вместе стоим на террасе «Хризантемы» и наблюдаем, как дети вместе с Обри играют под деревом с привязанным к ветке канатом. Светловолосая Дестини очень застенчива.

– Дестини почти не знает свою маму, и, откровенно говоря, я этому рада. Хотя мой сын не лучше. Но я могу его выносить: у меня, по сути, нет другого выбора.

– Сожалею, – говорю я.

– Я забрала Дестини из роддома на четвертый день. От ее мамы осталось только это нелепое имя¹. Надеюсь когда-нибудь его сменить. Жду, пока мне наконец-то позволят официально оформить опеку. Нелепая, жестокая система, но уж какая есть.

Тереза, стройная и подтянутая, одета в шорты и удобные ботинки. На ее футболке логотип «Хама-Хама» – устричного ресторана, расположенного неподалеку от Лилливаапа. Ее седые волосы с вкраплениями темных прядей стянуты в хвост.

– Вы не видели, как пропала Софи? – спрашивает Монтроуз, снимая очки и протирая их платком, который он достал из кармана штанов.

– Нет. Мы с детьми все утро гуляли в лесу, тут неподалеку.

Я киваю, вспомнив собственные прогулки по окрестностям.

– Живописное место.

– Да. Дестини устала, но совсем не жаловалась. Она тихая девочка. Но мы все равно вернулись пораньше. Кларк настоял. Хотел пособирать устриц на берегу во время отлива.

– Что вы увидели, когда вернулись? – спрашиваю я.

– Мистера Уорнера. Адама. Я еще не знала его имени. Они приехали вчера вечером. А сегодня с утра мы ушли рано, никто еще не проснулся. Ночь выдалась долгой. Мы с Дестини спали вместе на раскладной кровати, а Кларк – на диване. Больше никогда не буду арендовать такой крохотный коттедж. Втроем здесь негде развернуться.

– Когда вы вернулись с прогулки, – продолжаю я, – то увидели мистера Уорнера?

Тереза кивает.

– Да. Он стоял на лужайке перед коттеджем, кричал, чтобы я вызвала полицию. Он выглядел очень скверно. Было ясно, что произошло что-то ужасное.

– Что именно он сказал? – спрашивает Монтроуз.

– Что его жена пропала, – говорит она. – Что кто-то ее похитил.

Она резко оборачивается к Кларку, который раскачивается на канате над водой: «Осторожно! Ты чуть не толкнул Дестини!»

Светловолосый мальчик оборачивается к нам: «Прости, бабуль!»

Я замечаю, что Адам все еще говорит по телефону. Он ходит взад-вперед, поглядывая в нашу сторону, как цепной пес, мечущийся из стороны в сторону. В какой-то момент он поднимает руки к небу и оборачивается ко мне.

– Найдите ее! – говорит он. – Сделайте же что-то!

Мы пытаемся, думаю я. Показываю жестом, что мы скоро к нему присоединимся.

– Вы говорили с Софи? – спрашиваю я у Терезы.

¹ Дестини (*Destiny*) – «судьба» в переводе с английского. (Прим. пер.).

Та качает головой.

– Может, ночью вы слышали что-то из их коттеджа? Хоть что-то примечательное?

Она снова качает головой: «Я всегда сплю с берушами. Иначе в одной постели с Дестини никак не уснуть. Она любит поболтать даже во сне».

К нам подходит Кларк. Его губы вымазаны фруктовым льдом.

– А я кое-что слышал, – говорит он.

Я и забыла, какой острый у детей слух.

– Что ты слышал, Кларк? – спрашивает Тереза.

– Дестини разбудила меня, чтобы я дал ей попить. Было поздно. Я принес ей стакан воды и лег обратно и, пока я пытался уснуть, услышал какой-то шум. Потом захлопнулась дверь. Завелся мотор. Я выглянул в окно, но ничего не увидел. Свет не горел.

– Что это был за шум, Кларк?

Подросток смотрит на меня непонимающими глазами: «Не знаю. Просто шум».

Да уж, очень полезно.

– Чей-то голос? – уточняет Монтроуз. – Или что-то еще?

Кларк смотрит вверх.

– Нет. Скорее как будто что-то упало, – говорит он. – Или как будто дверь ударилась о косяк. Не знаю. Просто шум.

Кларк старается, как может. Не так-то просто описать случайный звук, раздавшийся посреди ночи, если это не выстрел.

– Ты помнишь, когда это было? – спрашиваю я.

– В смысле во сколько?

– Да, – говорю я. – В котором часу?

– Поздно, – отвечает Кларк. – Было совсем темно. Наверное, где-то после двух. Дестини обычно просит пить примерно в это время.

– Она все еще так делает? – спрашивает Тереза, когда речь заходит о ее внучке.

– Да, – отвечает Кларк совсем не с детской усталостью. – Каждую ночь. Можно мне еще фруктового льда?

Тереза не возражает: «Возьми своей сестре и Обри».

– Вы встречались с другими соседями? – спрашиваю я, указывая на последний из трех коттеджей.

– Нет, – отвечает Тереза. – Но они были здесь прошлым вечером. Свет горел, шторы были задернуты. Машина стояла неподалеку. Наверное, они поздно встают.

Перед уходом Тереза диктует нам имя и контактный телефон владельца коттеджей. Монтроуз направляется к машине, чтобы позвонить и расспросить его насчет постояльцев. Потом он поговорит с нашим помощником, который опрашивал соседей, собравшихся поглазеть на происходящее, и постояльцем, которого мы еще не встречали.

Я иду по пляжу к дому Акселя Беккера, пожилого мужчины с собакой. Когда я сказала, что нам нужно будет с ним побеседовать, он показал пальцем на свой дом и предложил мне зайти, когда смогу. Дескать они с собакой меня подождут.

* * *

Дом Акселя Беккера, стоящий на Канал-вью-роуд, построен в классическом стиле Худ-Канала двадцатых годов, когда все в Лос-Анджелесе помешались на местности вдоль соленого вашингтонского фьорда. Покрытое обветшавшей черепицей серебристое бунгало с кремовыми ставнями и красной дверью. При моем приближении мистер Беккер машет мне рукой из своего огорода.

– Как поживает горох? – спрашиваю я.

Мистер Беккер пожимает плечами: «Паршиво, как и всегда».

Ему где-то под восемьдесят, но на вид он в прекрасной форме. Цветом и текстурой его лицо напоминает старый бумажный пакет, но в голубых глазах горит ясный ум. У его ног сидит Уинстон, его пес.

– Как, вы сказали, вас зовут? – спрашивает он меня, прищурившись.

Я представляюсь.

– Я уже рассказал вашему напарнику все, что знаю, – он оглядывает меня с ног до головы, потом возвращается к огороду. – Вашему начальству, видать, денег девать некуда.

– Вы бы думали иначе, будь Софи вашей дочерью, – говорю я.

– Наверное, – он заканчивает подвязывать куст томата и приглашает меня войти внутрь. Войдя в дом, я понимаю, что никакой это на самом деле не дом. Это музей.

Почти вся мебель вырезана из древесины с наплывами. Мне на глаза попадаются декоративные подушки, украшенные салишской вышивкой. Некоторые назвали бы это кошунством. На стенах развешаны реликвии Худ-Канала: таблички «Свежие устрицы!», резная вывеска давно закрытого танцевального зала, череда черно-белых фотографий этой местности, изобилующей медузами и древесиной.

– Отец построил дом во времена сухого закона, – говорит он, заметив мой заинтересованный взгляд. – Смог подзаработать. Вместе с парой других местных жителей. Отсюда легко переправлять самогон в Сиэтл.

– А сейчас и не скажешь, что это такой уж отдаленный район, – говорю я, а мистер Беккер жестом приглашает меня сесть на один из больших деревянных стульев.

– Верно, – говорит мистер Беккер, снимая свои поношенные резиновые сандалии. – Проклятые калифорнийцы все тут испортили. Налоги все растут и растут. Моим соседям пришлось переехать. А они жили здесь почти столько же, сколько и я. Теперь ютятся в какой-то лачуге в Аризоне и каждый день жалеют, что уехали, а не умерли здесь. Надеюсь, меня когда-нибудь хватит сердечный приступ во время прогулки по пляжу...

Он глядит вниз, на Уинстона: «Но не сегодня. Не хочу, чтобы Уинстон меня пережил, а он протянет еще несколько лет».

– Он у вас красавец, – говорю я, потрепав Уинстона по ушам.

– Но вы пришли не за уроком истории и не за тем, чтобы погладить моего пса.

– Верно, – говорю я. – Меня интересует, что вы видели на пляже.

– Почти ничего, – говорит он.

– Понимаю. Но порой свидетели трагических происшествий вспоминают больше подробностей по прошествии некоторого времени. Вы ведь согласны, что это была трагедия?

Уинстон яростно чешется, а мистер Беккер хмурит свое морщинистое лицо.

– Для той женщины и ее мужа? Да, трагедия. Для меня? Как сказать. Я служил в армии и много чего повидал. Здесь поутру на пляже такого не увидишь. Хотя один раз мне почудилось, будто я застукал насильника, а оказалось, ребята просто баловались на надувном матрасе.

Я киваю и прошу его описать, что именно он видел этим утром.

– Пожалуйста, расскажите еще раз.

Мистер Беккер повторяет то же самое, что сообщил Монтроузу во время предварительной беседы. Он выгуливал Уинстона, как привык делать каждый день. Адам и Обри плыли в лодке примерно в сотне ярдов от берега. Потом кто-то закричал. Мистер Беккер посмотрел сначала на Адама, который в панике греб к берегу, потом перевел взгляд на бетонную дамбу.

– И увидели миссис Уорнер? – уточняю я. – И нападавшего?

Мистер Беккер извлекает из нагрудного кармана свои очки.

– Я знаю, что уже не молод, – говорит он, – но в очках вижу вполне неплохо. Все произошло очень быстро, но я знаю, что видел.

Он словно бы раздосадован моими вопросами, и его акцент усиливается.

– Я здесь не потому, что сомневаюсь в ваших словах, мистер Беккер. Было совершено преступление, и необходимо выяснить, что произошло и кто в этом виновен.

Уинстон – весьма крупный пес, но мистер Беккер разрешает ему забраться к себе на колени.

– Ладно, – говорит он, – хорошо.

– Расскажите, что именно вы видели на берегу.

Он медленно вдыхает и выдыхает.

– Было довольно далеко, но, как я и сказал, в очках я вижу нормально. Я увидел, как миссис Уорнер пытается вырваться из хватки какого-то мужчины. Все произошло очень быстро. Я увидел ее, потом посмотрел под ноги, чтобы не споткнуться о камни, а когда снова поднял взгляд, их уже не было.

– Какого роста был этот мужчина? Во что он был одет?

Мистер Беккер задумывается, прикрыв на секунду глаза.

– Среднего роста, – говорит он наконец. – Кажется, на нем была бейсболка. И оранжевая куртка. Насчет этого я уверен. Или, может, красная куртка. Но скорее оранжевая.

– Моему напарнику вы ничего не говорили про куртку, – замечаю я.

Мистер Беккер разводит руками.

– Он не спрашивал.

– Хорошо, – говорю я. – Это очень полезно. Это нам поможет. Что насчет миссис Уорнер?

Вы помните, как она выглядела? Во что была одета?

Мистер Беккер вновь задумывается.

– Соломенная шляпа – это я хорошо помню. И белое платье, – добавляет он менее уверенно. – Или, может, голубое? Она была в платье, это точно. Знаете, такое легкое, полупрозрачное, их нынче надевают поверх купальников. Я даже в магазине видел девушек, одетых так. Через эти платья все видно. Но я не жалуясь.

Я улыбаюсь. Не очень-то пристойное замечание, но мистера Беккера не назовешь похотливым старикашкой.

– Парео, – говорю я.

– Как скажете.

– Что-нибудь еще?

– Нет, – говорит он. – Она как сквозь землю провалилась. И нападавший тоже. Я набрал 911. Муж почти доплыл до берега, когда я положил трубку.

– Как он себя вел?

– Как и сказал, он был в панике. Мало что понимал. Девочка рыдала, он велел мне позвонить в полицию. Дескать его телефон не ловит сигнал. «Ти-Мобайл», наверное. У них здесь плохо с покрытием.

Дальше он рассказывает, что Адам оставил Обри с женщиной из соседнего коттеджа, а сам побежал вверх по склону за коттеджами, надеясь догнать похитителя. Потом они вместе дожидались приезда полиции.

– Случилось ли что-нибудь за время ожидания? – спрашиваю я. – Как вел себя мистер Уорнер?

– Почему вы им так интересуетесь?

– Это стандартная процедура.

– Он был в лодке, когда миссис Уорнер похитили. Клянусь, это чистая правда.

– Я знаю, – говорю я. – Но обязана спросить. Скажите, как он себя вел?

Уинстон садится обратно на пол и пытается выкусить из шерсти блоху.

– Он был совершенно раздавлен, – говорит мистер Беккер. – Его жену только что похитили. Как, по-вашему, он мог себя вести?

Не поспоришь, думаю я.

Мы еще некоторое время обсуждаем то, что он увидел и тот факт, что у него вполне приличное зрение, хотя, по-хорошему, ему не помешало бы заказать новые очки.

– Страховка для пенсионеров – сплошное издевательство, – говорит он. – Столько дурацких ограничений.

Хотя плохое зрение – повод насторожиться, его уверенность меня успокаивает. Он проводит для меня небольшую экскурсию. Я замечаю свадебную фотографию мистера Беккера и его жены.

– Очаровательная пара, – говорю я.

Он смотрит на фотографию. Это черно-белый снимок, очень умело подкрашенный вручную. Неброско, самую малость – так, чтобы оживить и без того прекрасное изображение.

– Знаете, что такое настоящая трагедия?

Я молчу. На глаза у него наворачиваются слезы.

– Потерять ее, – говорит он. – Тот парень очутился в настоящем аду. Потерять жену – невероятно больно. И очень одиноко.

– Соболезную, – говорю я, направляясь к выходу. – По крайней мере Уинстон составляет вам компанию.

– Уинстон? – переспрашивает мистер Беккер.

Он выглядит озадаченным, так что я наклоняюсь и глажу пса по голове.

– Этот красавчик, конечно же.

Мистер Беккер хмурится еще сильнее.

– Это не Уинстон, – говорит он. – Его не стало много лет назад. Этого пса зовут Реджи.

Вернувшись на место преступления, я нахожу Монтроуза и пересказываю ему разговор с мистером Беккером. С некоторой долей неохоты – пожилых людей часто незаслуженно обвиняют в проблемах с памятью. Я упоминаю, что он назвал диспетчеру неправильную кличку.

– Это мелочь, – замечаю я.

Монтроуз щурится, глядя на солнце, и снимает очки, чтобы протереть их.

– Может, и не мелочь.

Он прав. Мистер Беккер – единственный, кроме Адама, свидетель преступления.

4

Коннор

– Это был коп? – спрашиваю я Кристен, когда она возвращается в спальню «Лилии».

Я лежал там без сил, как сбитое автомобилем животное, с самого нашего приезда. Когда кто-то постучал в дверь, я с огромным трудом приподнялся на коленях, чтобы выглянуть в окно, и вроде бы заметил полицейскую форму, но тут же упал обратно в постель. Каждый мускул в моем теле охвачен болью, а в голове будто перекачивается множество металлических шариков, как в старой машине для пинбола, которую отец купил когда-то нам с сестрой.

– Да, – говорит Кристен. – Пропала женщина, они ее ищут.

Я пытаюсь сесть, оперевшись о пару пуховых подушек, но они чересчур мягкие. Я смотрю на телефон: два пополудни. Я опускаюсь обратно в облако одеял, но приподнимаю голову.

– Откуда пропала? – говорю я, пытаясь перебороть прилив тошноты. – Не понимаю.

– Из крайнего коттеджа, – говорит она. – Ее вроде как похитили.

Мне с трудом удастся осознать и повторить последнее слово: «Похитили?»

– Я толком ничего не знаю. Сказала им, что тебе нездоровится. Потом нужно будет дать показания. Ну, знаешь, выполнить гражданский долг.

Я слегка киваю. Кристен – самая красивая женщина, которую я когда-либо видел. Светловолосая и голубоглазая, она могла бы стать супермоделью, если бы захотела. Я в этом уверен. Она могла бы стать кем угодно. Она очень умна. Ей тридцать девять, и она вот-вот станет партнером в юридической фирме.

– Выпей, – говорит она, протягивая мне стакан с теплой мутноватой жидкостью. – Я нашла в кладовке соду. Тебе полегчает.

Я приподнимаюсь на мягких подушках и залпом выпиваю пенящуюся жидкость.

– Спасибо, милая, – говорю я. – Прости, что так получилось.

С ее лица исчезает всякий намек на доброту, оставляя лишь хорошо отработанное выражение разочарования. Я видел, как она поворачивалась с таким лицом к присяжному, когда свидетель говорил не то, что следует.

Но мне действительно жаль.

Она делает вид, будто не может подобрать слова. Я знаю, что это не так, потому что моя жена всегда знает, что сказать, особенно когда дело касается меня.

– Ты пил весь день, Коннор, – говорит она наконец с протяжным вздохом. – Весь день напролет. Я зря взяла тебя с собой. И зря позволила тебе достать ту бутылку текилы.

Я морщусь при слове «текила».

– Ну не знаю, – говорю я.

Кристен присаживается на край кровати: «Еще как знаешь».

Она права. Знаю.

Мне хочется напомнить ей, что она могла бы помочь. Подливать мне алкоголь и потом жаловаться, что я слишком много пью, – не очень-то честно. Но я не могу этого сказать. Я знаю, что она любит меня, и в конце концов это моя битва.

– Да, – говорю я. – Мне пора завязывать.

Она могла бы сказать, что слышит это уже не в первый раз, но, к счастью, не говорит.

– Верно, – отвечает она вместо этого, забирая у меня стакан.

Теперь она снова смотрит на меня с нежностью. С печальной, но искренней улыбкой. Ее голубые глаза видят меня насквозь. Она любит меня больше всего на свете, но я знаю, что мое время с ней может вот-вот подойти к концу из-за всего, что я совершил. И продолжаю совершать. Мне нужна помощь. Лечение. Ненавижу это слово – из-за него я кажусь таким

слабым; но после вчерашнего Кристен вряд ли даст мне еще один шанс. Когда она принимает решение, ее крайне сложно переубедить. Хотелось бы мне иметь такую уверенность в себе. Но, увы, я слишком мягок, слишком податлив. Я – словно комок теста. А моя жена – скалка. Несмотря на некоторые сложности, мы хорошо дополняем друг друга. Когда-то я сомневался в этом, но откуда мне знать? Она юрист. А я – официант. Хороший официант. Но все же.

– Я не смогла сделать это ради своего отца, – говорит она, напоминая, что выросла с алкоголиком, что сильно на нее повлияло. – И не могу сделать ради тебя, Коннор. Тебе самому придется пройти все шаги к выздоровлению. Я буду рядом, но я не могу сделать это за тебя.

На самом деле я уже пытался, но потерпел неудачу.

– Я чувствую себя ничтожеством, – говорю я. – Я запишусь к своему врачу, поговорю насчет возможного лечения.

– Милый, – говорит она, – я в тебя верю. Правда. Коннор Мосс – вовсе не ничтожество.

– Иногда мне трудно с этим согласиться, – говорю я.

Она смотрит на меня своими пронзительными голубыми глазами: «С этим тебе тоже придется справиться самому».

Кристен встает и смотрит на меня мягким, но знающим взглядом. Она настоящий ангел. Иначе и быть не может. Ни одна другая женщина не стала бы меня терпеть.

– Тебе нужно принять душ, – говорит она. – Ты пахнешь как ликероводочный завод.

Мне удается улыбнуться ей в ответ.

– Это последний раз, Кристен, – я не добавляю «*клянусь*». Я слишком легко разбрасывался этим словом раньше. Много раз.

Я встаю с постели и добираюсь до ванной. Это маленькая комнатка, отделанная от пола до потолка стеклянной мозаикой. Из открытого окна доносятся звуки проезжающих по шоссе машин. Звучит сирена. Должно быть, дополнительный наряд полиции.

Пропажа. Похищение. Потеря. Слова крутятся у меня в голове, когда я включаю душ и жду, пока не нагреется вода. Это кажется выдумкой, чем-то, что я увидел по телевизору. Криминальная хроника. Я смотрю на свое отражение в зеркале. Я высок ростом и в хорошей форме. Волосы у меня выглядят лучше, чем когда-либо выглядели у моего отца, и я признателен за это. Цвет лица в данный момент слегка нездоровый, но это пройдет, когда я попью воды. На правом плече – паутина шрамов, доставшихся мне в память о давней автомобильной аварии. Для официанта я выгляжу вполне неплохо. Для мужчины, женатого на влиятельной женщине, – не так шикарно, как мог бы. И как выглядел когда-то.

* * *

Шрамы, шум воды и сирена за окном пробуждают во мне воспоминание. То, о котором я стараюсь не думать. Не потому, что хочу забыть – это было бы ошибкой, – но потому, что этот момент изменил всю мою жизнь. К худшему. Из душа идет горячая вода, и я намыливаюсь, ощупывая бугорки шрамов на плече. Я ковыряю порез на руке, и вода окрашивается красным.

Это тоже навеивает воспоминания.

Это было задолго до того, как я встретил Кристен. Мне было двадцать четыре, и я приехал в Хантингтон-Бич в гости к своим кузенам. Богатым кузенам. Я как раз окончил социологический факультет Южно-Калифорнийского университета и занимался тем, чем злоупотребляю сейчас. Мы с кузеном Робом провели весь день на пляже, потягивая пиво. Мы были пьяны, не на шутку пьяны. Когда у нас закончилось пиво, Робу взбрело в голову прогуляться по пляжу с пачкой наличных, покупая выпивку у всех, у кого она имелась. Роб умел убеждать. Его белозубая улыбка и сонная, непринужденная манера поведения располагали к нему людей.

Мы перебрали. Но все равно выпили еще. Я отрубился, пока Роб играл в волейбол с симпатичными девчонками. Солнце пригревало. Я чувствовал себя отлично. Я был пьян, но на пляже это не так уж и плохо. Мне казалось, что все идет прекрасно.

Я ошибался.

За несколько недель до этого я приступил к поискам работы и успел получить несколько заманчивых предложений. На следующей неделе мне предстояло собеседование на позицию по работе с молодыми совершеннолетними преступниками – не то чтобы работа мечты, но для начала неплохо.

Когда солнце начало опускаться за горизонт, Роб вернулся и предложил заехать в пару баров. Он указал на стоявших неподалеку девушек. Как и все девушки в Лос-Анджелесе, они были прекрасны. Безупречны.

– Они хотят потусить вместе, – сказал Роб, направляя на девушек свое секретное оружие – фирменную белозубую улыбку, озаряющую пляж, словно луч прожектора.

Высокая блондинка повесила на плечо пляжную сумку и помахала мне.

– Круто, – сказал я.

Последнее, что я отчетливо помню, – как мы с Робом сели в его ярко-красный «БМВ» с открытым верхом. Роб был слишком пьян, чтобы садиться за руль. Как и я, но мне казалось, что, если я буду вести осторожно и не стану соваться на скоростную магистраль, то смогу доездить нас до дому. На полпути Роб начал издавать мерзкие гортанные звуки, показывая, что его вот-вот вырвет. Никому не нравятся эти звуки и то, что за ними следует. А меня от них и самого начинает тошнить.

– погоди, Роб, – сказал я. – дай мне притормозить.

– Ох, – сказал он, – сейчас сблую.

– Высунь голову в окно!

Я опустил стекло и подтолкнул Роба, чтобы он высунул голову, пока я не найду, где остановиться. Обочина была полна машин. Притормозить было негде, так что я прибавил газу, чтобы найти подходящее место.

Я не заметил фургон. И не заметил красный свет светофора. На скорости сорок пять миль в час я каким-то образом успел вывернуть руль. С тех пор я верю в Бога. Фургон был набит битком. Семья из семи человек ехала в Диснейленд, по пути осматривая местные достопримечательности.

Следующее, что я помню, – как очнулся в больнице Хантингтон-Бич, напичканный какими-то трубками. Я с трудом соображал, хотя ситуация была довольно очевидна. У двери стоял полицейский.

– Что случилось? – спросил я у врача.

У нее было мрачное выражение лица: «Вы выехали на красный свет».

Точно. Я был за рулем.

– Боже, – сказал я, пытаясь привстать. Все мое тело охватывала боль. Плечо было перебинтовано. Я едва мог двигаться. Но все это не имело значения. Я тут же подумал о кузене.

– Что с Робом? Моим кузеном?

– Вам обоим повезло, – сказала врач. – Вам – больше, чем ему. Но вы оба живы.

Позже я узнал, что Роб получил травму мозга и так от нее и не оправился. Это тяжело сознавать. И все из-за меня. Я знал это. Мне не следовало садиться за руль. Я думал, что справлюсь. Как глупо.

Я стал преступником. Из-за моих действий пострадал пассажир, поэтому мне предъявили обвинение в совершении тяжкого преступления. Я был не в состоянии возразить, да и в любом случае не стал бы. Роб никогда меня не винил, но мне кажется, дело в травме мозга. В том, что Роб не до конца осознавал, какие последствия повлек за собой тот день на пляже. Я

провел за решеткой один-единственный день перед условным освобождением. Не потому, что был невиновен, а потому, что в тюрьме не было места.

Повезло. Или нет.

Хоть в чем-то Господь меня помиловал и я никого не убил: пятеро детей вернулись домой в футболках с Микки-Маусом, сувенирами и захватывающим рассказом.

Но преступления не так-то легко смыть. Они следуют за тобой неотступно, словно тени. Я не смог получить работу, на которую рассчитывал. Не смог получить вообще никакую приличную работу. Как выяснилось, единственное, на что я мог рассчитывать в краткосрочной перспективе, – это позиция официанта. Со временем краткосрочная перспектива превратилась в долгосрочную. Впрочем, не все так плохо. На работе я встретил Кристен. Она только-только окончила юрфак Вашингтонского университета, а я переехал в Сиэтл, чтобы начать все заново. Она была на четыре года старше меня, гораздо умнее, и я еще ни у кого не видел таких добрых глаз.

Я был настоящим везунчиком, когда она согласилась пойти со мной на свидание. Я все еще настоящий везунчик. Каждый раз, когда я смотрю на свою жену, я вижу добродетель. И оттого мне еще больнее, когда я думаю о том, что произошло с нами за последние несколько лет.

5

Адам

Не понимаю, в чем дело. Я все им рассказал. Но детективы топчутся на месте. Говорят с той бабушкой и даже с ее внуком, вместо того чтобы приступить к поискам Софи. Объявить ее в официальный розыск или что-то типа того. Может, они уже это сделали? С момента пропажи прошло больше четырех часов. Обри разве что на голове не стоит из-за сахара в этом проклятом фруктовом льде, а я сижу и пытаюсь понять, как мне найти ее маму.

Найти Софи.

Привести ее домой.

Вернуть мою жену.

Спассти ее.

Я думаю, что еще я могу сказать детективам, но, когда они снова подходят ко мне, их слова совершенно выбивают меня из колеи.

– Мы заметили, что либо вы, либо ваша жена прошлой ночью спали на диване, – говорит детектив Монтроуз.

Он обвиняет меня. Или мне так кажется. Не знаю. Мне еще не доводилось быть мужем пропавшей женщины. Я защищаюсь, потому что знаю, что они хотят повесить все на меня. Я видел это по телевизору. Копы всегда подозревают мужа.

– Вот как? – я пытаюсь сохранять спокойствие, но у меня плохо получается. – Это все, что вы можете сказать? Какого черта? Господи! Да, я спал на диване, потому что Софи простудилась. Мы даже думали отменить из-за этого поездку. На что вы намекаете? Что мы поссорились?

– Мы просто спрашиваем, – говорит Ли. – Мы обязаны спросить.

– Ладно, – говорю я, скаля зубы.

Это инстинктивная реакция. Я ничего не могу с ней поделать.

– Что вы предприняли, чтобы ее найти? – спрашиваю я, изо всех сил стараясь не потерять самообладание. – Ее здесь нет. Вы это видите. Какой-то ублюдок ее похитил. Почему вы не опрашиваете местных жителей, не обыскиваете окрестности?

– Мы уже разослали ориентировку, – говорит Монтроуз. – Но у нас ничего нет, кроме фотографии с ее водительского удостоверения. Мы не знаем, был ли у похитителя автомобиль или грузовик. Слишком мало информации.

– Адам, – говорит Ли, – мой напарник прав. Мы слишком мало знаем. То, что ты разглядел без очков с расстояния в сотню ярдов, не особенно нам помогло. Красная куртка. Какой-то головной убор, по словам другого свидетеля. Средний рост, средний вес.

– Это все, что я знаю, – говорю я.

– Да, – говорит она. – Понимаю.

Я рассчитываю, что полицейские мне поверят, но из газет и передач я знаю, что ты попадаешь под прицел, как только заявляешь о пропаже или гибели жены. Сочувствия хватает минут на пять – потом оно сменяется подозрениями и обвинениями. Поначалу тихими. Они исходят от посторонних наблюдателей, ни на что не влияющих. Но потом отдельные шепотки объединяются в многоголосый хор. Я никогда не думал, что такое произойдет со мной. Я никогда не думал, что мою жену похитят.

– Вы слышали что-нибудь необычное прошлой ночью? – детектив Монтроуз заносит ручку над блокнотом, готовясь записать мой ответ.

– Я уже сказал бы вам, если бы что-то слышал.

– Около двух часов ночи? Довольно поздно, – теперь говорит Ли.

– Нет, я ничего не слышал. Ли, за что ты так со мной? – я смотрю на нее в упор. – Ты же меня знаешь. Но расспрашиваешь так, будто не веришь ни единому моему слову.

Ли сглатывает. Ее бледное лицо охватывает легкий румянец. В детстве она всегда краснела, когда я ее дразнил. Сейчас румянец едва заметен. Но он все же есть. Хорошо. Я отвратительно себя чувствую. Да и в целом в атмосфере хватает враждебности. Они не желают сосредоточиться на том, что произошло с Софи.

Вместо этого они сосредоточились во мне. Это не должно меня удивлять. Но почему-то удивляет.

– Это был громкий шум, – говорит Ли. – Мальчик его услышал. Сказал, было похоже на звук захлопывающейся двери.

– Я ничего не слышал, – говорю я. – Вы двое вообще меня слушаете?

Мне начинает казаться, будто я погружаюсь в зыбучий песок. Опускаюсь все ниже и ниже, пока эти копы смотрят на меня сверху. Ниже и ниже. Они нависают надо мной. Я сжимаюсь под весом их расспросов и понимаю, что потерял всякий контроль над тем, что происходит вокруг. Я не на работе, где я всегда могу соврать своей начальнице и сделать то, что хочу. Здесь я не могу велеть своим подчиненным действовать так, как я считаю нужным. Не то чтобы я хоть раз вынуждал кого-то сделать что-то аморальное. Вовсе нет. Искать обходные пути, чтобы побыстрее расправиться с заданием – совершенно нормально. Но тут я оказался бессилен.

– Мы просто выполняем свою работу, Адам, – говорит Ли.

– Что-то незаметно. Я видел, как кто-то ударил мою жену, схватил и утащил ее, а вы это игнорируете.

– Мы ничего не игнорируем, – говорит детектив Монтроуз. – Мы просто хотим разобраться, как обстояли дела между вами и вашей женой. Может быть, Софи обиделась на что-то и сбежала. Моя жена сделала так однажды. Уехала к сестре на выходные, оставила меня наедине с бутылкой джина.

Ли по-прежнему глядит на меня, но я вижу, как она напрягается. Слова напарника стали для нее неожиданностью. Думаю, если по пути обратно они устанут обсуждать пропажу Софи, то переключатся на его брак.

– Наши отношения в полном порядке, – говорю я. – Если вы хотите махнуть рукой на все, что я вам рассказал, – дело ваше. Как знаете. То, что с ней сейчас происходит, будет на вашей совести. Я рассказал вам, что видел. Мы не ссорились, она не могла просто так убежать. Мы были счастливы.

К «Глицинии» подъезжает чей-то автомобиль.

– Родители твоей жены? – спрашивает Ли.

Я качаю головой: «Нет. Они приедут только через час».

Пару секунд я стою на месте. Молча. Все еще в зыбучем песке. Я держу Обри. Она не до конца понимает, что происходит, как и я.

– Я знаю, что я видел, – говорю я наконец. Слова неловко повисают в воздухе.

– Конечно, – говорит Ли.

– Что дальше? – спрашиваю я.

Детектив Монтроуз смотрит на темнеющий берег Худ-Канала; кучевое облако заслоняет солнце. Монтроуз молчит, как и Ли. Может быть, это специальная тактика, а может быть, они не знают, что мне ответить.

– Ты останешься ночевать здесь? – спрашивает Ли.

– Куда еще мне деваться?

– Пожалуй, не лучшее место для девочки.

– Спасибо за заботу, Ли. Моя жена пропала, и я останусь здесь. Ее родители скоро придут. Наверное, заберут Обри с собой.

Я поворачиваюсь к своей малышке. Она выглядит напуганной и растерянной. И я не знаю, что сказать, чтобы ее утешить.

– Хочешь увидеться с бабушкой Хелен и дедушкой Фрэнком? – спрашиваю я.

Она едва заметно кивает.

Ли подает голос.

– Это хорошая идея, Адам. Но сначала нам нужно поговорить с Обри.

– Это еще зачем? Она ничего не знает. Она всего лишь ребенок.

– Она свидетельница преступления, – говорит Монтроуз.

– Так нужно, Адам, – говорит Ли. – Стандартная процедура. Пойми.

Я понимаю. Но мне все равно кажется, что выпытывать у трехлетней девочки подробности о самом ужасном событии в ее жизни – плохая идея. Этот разговор может еще сильнее ее травмировать.

– Я не уверен, – говорю я наконец.

– Я уже проводила такие разговоры, – говорит Ли. – Можешь остаться, но мне надо с ней поговорить. – Она переводит взгляд на Монтроуза.

Его это тоже касается.

6 Ли

Под пристальными взглядами ее отца и моего напарника мы с Обри Уорнер садимся рядом на бетонных ступенях, ведущих к пляжу. Мы смотрим на воду, и суэта за нашими спинами постепенно отдаляется. Незнакомцы. Полицейские машины между тремя коттеджами. Мигалка на одном из автомобилей. Тревога на лице Адама.

– Обри, – говорю я ей, – я знаю, что ты большая девочка.

Та слегка улыбается: «Да, я большая».

– Я знаю, – говорю я. – И мне нужна твоя помощь.

Обри находит на ступеньке ракушку и протягивает ее мне: «Мама тоже любит ракушки».

За эту реплику легко зацепиться.

– Расскажи мне про свою маму, – прошу я, беря ракушку. – Ты видела ее на пляже перед тем, как она исчезла?

– Ее забрал плохой человек.

– Как он выглядел?

Она поворачивается к Адаму и Монтроузу и тыкает в них пальцем.

– Как он.

– Как твой папа?

– Нет. Как *он*.

Она имеет в виду Монтроуза, который старше Адама.

Я спрашиваю, может ли она еще как-то описать этого мужчину, но Обри не знает, что сказать. Просто мужчина.

– Он ее забрал. Он забрал маму.

– Да, – говорю я, – я знаю.

– Найдите маму.

Я хочу обнять ее. Пообещать, что мы непременно найдем ее маму. Но я знаю, чем могут обернуться такие обещания.

7

Адам

Смотреть, как твоего ребенка допрашивают, – невыносимо. Умом ты понимаешь, что детектив просто выполняет свою работу, но сложно понять, зачем все это нужно. Дети не помнят даже, что они ели на завтрак, если только это не была их самая нелюбимая пища. Они не знают, случилось ли что-то десять минут или два часа назад. Мне приходится сдерживаться изо всех сил, пока Ли выпытывает у Обри несуществующие детали.

Но я сдерживаюсь. Так надо. Их разговор как раз подходит к концу, когда я замечаю бордовый «Бьюик» родителей Софи.

Я рассказал им о случившемся по телефону, хотя лучше было бы объяснить все лично.

– В каком смысле ее забрали? – спросил меня Фрэнк. – Кто ее забрал?

– Не знаю, – ответил я. – Я не разглядел.

– Да какого... Что ты за мужик, если допустил такое?

Дубина стоеросовая. Тупой увалень. Трепло. Вот что я думаю про Фрэнка Флинна. Я не говорю об этом ему в лицо. И Софи не говорю. Просто улыбаюсь и терплю его выходки. По ночам я часто сжимаю зубы, и в этом наверняка виноват Фрэнк. Но я не собираюсь каждую ночь вставлять в рот каппу только затем, чтобы смириться с его присутствием в моей жизни.

Фрэнк вываливается из машины и идет в моем направлении, а Хелен семенит за ним, словно чемоданчик на колесах. Он одет в свою садоводческую одежду. Она одета так, словно собиралась в гости к подруге. Скорее всего, так оно и было. Она никогда не упускает возможности пойти куда-нибудь без Фрэнка. Я ее не виню. Она серая мышка. Но достаточно умна, чтобы держаться подальше от своего мужа. Так далеко, как только возможно.

Обри бежит к своей бабушке, не останавливаясь рядом с Фрэнком. Ей он тоже не нравится. Обычно эта мысль меня радует. Но не в этот раз. Сегодня не день для радости.

– Черт возьми! – кричит Фрэнк детективам. – Что случилось с моей дочерью? Где она? Это моя единственная дочь, дьявол вас побери!

Ли представляет себя и своего напарника как детективов из округа Мейсон.

– Господи! – раздраженно фыркает Фрэнк. – Нельзя было вызвать копов, которые умеют делать свою работу? Кого-нибудь из Сиэтла?

Хелен тянет своего мужа за рукав. Она слаба, но Софи – и ее дочь тоже.

– Фрэнк, это так не работает.

Я представляю, как прошло их путешествие из Сиэтла. Наверняка Хелен всю дорогу просидела в гробовом молчании, пока он крыл Софи на чем свет стоит за то, что она вышла за меня замуж.

«Менеджер “СкайАэро”! Она могла выбрать кого угодно, черт подери!»

Я знаю, что Хелен не стала бы меня защищать. Не потому, что ей нет до меня дела. Просто не хватило бы храбрости.

Фрэнк кидает на свою жену холодный взгляд. *Его жена*. Его собственность. Его питомец. Его аксессуар. Я часто гадаю, не избивает ли он ее втайне – так, чтобы под длинными рукавами не было видно синяков.

Потом он поворачивается ко мне.

– Они найдут ее, Фрэнк, – говорю я, и слова звучат скорее как жалобная просьба, чем констатация факта. Этот задира всегда так на меня действует. Словно высасывает весь кислород вокруг. Не дает возможности защитить себя. Он мелкий, но талантливый тиран.

– Если с моей Софи что-то случится, – говорит Фрэнк, весь трясясь от злости и поддевая землю носком ботинка, – это будет твоя вина!

8 Ли

Пока Адам Уорнер и Хелен Флинн собирают вещи Обри, мы с Монтроузом беседуем с отцом Софи. Уже начало пятого, и солнце ощутимо припекает, поэтому мы прячемся под тенью кедров между коттеджами.

– Похоже, вы недолюбливаете зятя, – говорит Монтроуз.

Фрэнк Флинн кивает.

– Он тот еще засранец, так что да, недолюбливаю. Расхаживает, словно он важная шишка. Вечно ждет какого-то повышения, которое так и не приходит, – он на секунду замолкает и смотрит в сторону «Глицинии». – Хороший отец, пожалуй, – единственное достоинство.

– А какой из него муж? – спрашиваю я.

Фрэнк не скупится на обвинения: «Никудышный. Самовлюбленный. Эгоистичный».

Чья бы корова мычала, думаю я.

– Значит, вы не ладите, – говорю я.

– Ладим, – отвечает Фрэнк без тени сомнения. – По большей части. Он знает свое место, а это самая важная часть битвы, не так ли?

– Пожалуй, – отвечаю я, пытаюсь сообразить, почему он называет замужество дочери битвой. Я помню, как дружна была семья Адама, когда мы вместе росли в Шелтоне. Мои родители развелись, когда мне было шестнадцать, а родители Адама не просто остались вместе – они были счастливы. Однажды они взяли Кипа с собой в Диснейленд. Боже, как мне хотелось поехать с ними. Адам об этом знал и позаботился, чтобы Кип привез мне в подарок ободок с мышинными ушками, на которых было вышито мое имя. Эти ушки до сих пор валяются где-то у меня дома. Мистер Уорнер работал на лесопилке, а миссис Уорнер – библиотекаршей в начальной школе. Они были хорошими людьми.

– Между ними все было гладко? – спрашивает Монтроуз. – Никаких проблем в браке?

– Была пара конфликтов, – говорит Фрэнк с внезапной неохотой, – еще до рождения Обри.

– Каких конфликтов? – уточняю я.

– Софи хотела переехать в Нью-Йорк, – говорит он. – Она работает графическим дизайнером. Отличный специалист. Не какой-то ленивый фрилансер, который мечтает стать художником. Софи слишком умна для этого и слишком талантлива. У нее был шанс попасть в одно из самых престижных агентств в мире, но Адам отказался уходить с работы в «СкайАэро». Можно подумать, это такая завидная карьера, тоже мне.

По меркам Шелтона «СкайАэро» – действительно весьма солидное место работы. Когда я узнала от общего знакомого, что Адам занял высокую должность в аэрокосмической фирме, то порадовалась за него. Я летала на самолете всего три раза в жизни. Успех Адама произвел на меня впечатление. Это солидно. Уж точно лучше, чем работать на лесопилке или в порту Брементона, как большинство местных парней и девушек.

– Но они смогли договориться? – спрашиваю я.

– Скорее, зашли в тупик, – говорит Фрэнк. – Она по-прежнему хотела уехать. Он по-прежнему настаивал, что вскоре окажется во главе этой своей конторы. Я сказал ей, чтобы бросала его, и, по-моему, она почти согласилась. Но вскоре забеременела. Ее последний шанс чего-то добиться оказался потерян. С концами. А все из-за него.

Я прикусываю язык. Как по мне, ребенок не мешает жить своей жизнью. Мои родители едва сводили концы с концами, но мы никогда не знали нужды в любви и поддержке. Папа

работал, пока хватало сил. Мама тоже. У них не было ничего, кроме школьных аттестатов и неиссякаемого оптимизма.

– Но они все же договорились? – повторяю я.

Фрэнк вертит ключи от машины:

– Ну да, пожалуй. Мне это было не по душе. Я думал, забеременев, она задумается о будущем, но... Нельзя прожить чужую жизнь, знаете ли.

Не уверена, что он действительно в это верит. За десять минут нашего знакомства у меня сложилось впечатление, что он хотел бы контролировать дочь, как чревовещатель контролирует свою куклу. Его слова, ее голос, его планы.

Мы смотрим, как мимо проплывает пара ярко-зеленых каяков. Наши слова разносятся над водой, словно мы говорим в мегафон. Когда каяки уплывают, Монтроуз вновь подает голос.

– Софи не говорила, что ей кто-то досаждают? – спрашивает он. – Может быть, на работе?

Фрэнк отрицательно качает головой:

– Был один настырный экс-бойфренд из старшей школы, но довольно давно.

Он достает из кармана бумажник и находит там пару фотографий дочери. Одну из них он протягивает нам.

– Настоящая красавица, – говорю я.

– Я всегда считал, что она похожа на кинозвезду, – говорит Фрэнк. – Само собой, с ней часто заигрывают, но она умеет отваживать ненужное внимание, поэтому-то я так зол, что она сошлась с Адамом.

– К чему это вы? – спрашивает Монтроуз.

– Черт, – говорит Фрэнк, – она не была особенно заинтересована в Адаме. Ну вы сами понимаете. Такая девушка и такой парень. Вам кажется, я ненавижу своего зятя. Это не так. Я просто ненавижу заурядность. Презираю. Адам волочился за ней. Не давал ни минуты покоя. Хотел быть с ней. Я думал, она стряхнет его, как дерьмо, налипшее на ботинок, но нет. Он добился-таки своего. Завоевал ее.

Я спрашиваю, можно ли оставить фотографию.

– Я верну ее позже.

– Да нет, – отвечает он, – не волнуйтесь. У меня хватает фотографий. Оставьте себе, детектив. Просто найдите мою дочь.

Я слышу, как Хелен, Обри и Адам выходят из коттеджа. Хелен несет крохотный розовый чемоданчик. Я уже видела его в спальне с двухъярусной кроватью. Обри тащит потрепанную игрушку, практически подметая ею террасу. Адам замыкает процессию, и втроем они приближаются к тени кедров. Его лицо непроницаемо. Может быть, он горюет. Вероятно, в шоке.

9

Адам

Пока я собираю вещи Обри, Хелен почти ничего не говорит. Она вообще предпочитает молчать. Не помню, когда она в последний раз говорила хоть что-то мало-мальски важное. Я знаю, что муж тиранит ее и в созданном им мире для нее почти нет места. Я знаю, что после колледжа Софи осталась жить у родителей, чтобы поддержать маму. Хелен слаба, это так. Не из-за депрессии (хотя она в депрессии) и не из-за алкоголизма (трудно винить ее за лишний бокал вина в середине дня). Она словно обитает на окраине мироздания. Как будто Фрэнк правит их миром и позволяет ей ютиться там, пока она стирает его вещи и убирается по дому.

Я стараюсь быть с ней приветлив. Фрэнк никогда не передумает на мой счет. Он не умеет менять свое мнение. Всегда стоит на своем. Когда-то мне казалось, что через Хелен я смогу наладить хоть какие-то отношения с ними. Быть может, отчасти ее присутствие и вправду смягчает ситуацию, но в общем и целом мой план провалился.

– Мне страшно, – говорит она, когда мы выходим за дверь.

У Хелен голубые глаза, и я впервые обращаю внимание, как они покраснелись. Наверняка она рыдала всю дорогу, пока Фрэнк в красках расписывал, какая ужасная судьба могла постичь Софи. Можно подумать, самого похищения недостаточно.

Представляю его монолог: «Ее прикончил серийный убийца» – «Возможно, ее прямо сейчас насилует какой-то маньяк». – «Ее убили, выпотрошили и закопали».

А Хелен меж тем сидела, прислонив голову к окну, – я вижу, как прижаты ее волосы с одной стороны, – плакала и бессильно шептала в кондиционируемый воздух: «Ее найдут, Фрэнк».

– Что? Ты что-то сказала?

Она продолжала смотреть на дорогу, потому что Фрэнк, встретившись с ней взглядом, непременно нашел бы способ заткнуть ей рот.

– Мы не можем ее потерять, – сказала она.

Сейчас она говорит:

– Фрэнк будет винить во всем тебя.

Может быть, это предупреждение. Может быть, она хочет ранить меня так, как муж ранит ее.

– Он попытается доказать Софи, что ты никудышный муж, – она говорит все это, не глядя на меня, а потом идет в ванную, чтобы помочь Обри с краном.

– Когда мама вернется? – спрашивает Обри. Она выглядит озабоченной и явно понимает лишь, что ее мама куда-то ушла. Но не знает как. И почему.

– Скоро, – говорю я.

Она смотрит на меня снизу вверх.

– Я хочу ее подождать.

– Да, – говорю я, – я знаю. Но не выйдет. Тебе нужно поехать с бабушкой и дедушкой. А папа поможет найти маму, и потом мы вместе за тобой приедем. Хорошо?

Нелепый план, но Обри соглашается.

– Милая, – говорит Хелен, – все будет хорошо. Обещаю.

Не знаю, как она может пообещать что-то подобное, но я ей признателен. Я почти готов простить ей то, что она сказала снаружи. Она просто повторяла то, что сказал Фрэнк. Хотя милосерднее было бы не распространять его яд. Я смотрю, как Хелен берет мою дочь за руку, и гадаю, не путаю ли я отстраненность с добротой. Молчание с заботой. На самом деле нам не

дано узнать, что думают другие. Мне хочется ладить с Хелен Флинн, но, возможно, она этого не заслуживает.

– Детское кресло в машине у Софи, – говорю я.

Я вижу, как Фрэнк размахивает руками, наверняка втолковывая детективам, какой я отброс общества и как Софи следовало бы найти себе кого-то получше.

– Кого угодно! – сказал бы он.

Детективы и мой тесть молчат, когда мы приближаемся. Какое удовольствие – оказаться на линии огня в худший день своей жизни. От Фрэнка Флинна другого и ожидать не стоило.

* * *

Уезжая, мой тесть демонстративно газует, будто бы его «Бьюик» – гоночная машина. Детективы отправляются обратно в участок, пообещав напоследок держать меня в курсе дела, и вот я остаюсь один. Обри здесь нет. Софи тоже. Я не знаю, что делать, поэтому просто сижу на бетонной дамбе, раз за разом прокручивая в голове сегодняшний день. Я вспоминаю ловушки на крабов, Софи, вспоминаю, как звал на помощь, полицейских, незнакомцев вокруг. Каждая мысль обвивается вокруг меня удавкой – тяжелой, печальной.

Хруст ракушек под ногами Терезы Диббли вырывает меня из моих размышлений. На ее лице отпечатались долгие годы разочарований и солнечного света.

– Мой внук нашел в лодке, – говорит она, протягивая мои очки.

– Слава богу, – говорю я, надевая их. Мир резко становится отчетливее: лица, мрачная атмосфера – все вокруг.

– Кларк – хороший мальчик, – говорит Тереза, указывая на раскачивающегося на канате подростка. Он долговяз, и его волосы на северо-западном солнце неизбежно выгорят почти что до белого.

– Я могу чем-нибудь вам помочь? – спрашивает она.

У нее добрые глаза. Она – единственная, кто был добр ко мне с тех пор, как Софи пропала.

Я качаю головой: «Нет. Я просто не знаю, что делать. Искать ее? Или остаться здесь на случай, если она вернется?».

Глупый вопрос. Она не вернется.

– Вы ели что-нибудь? – спрашивает она.

Я снова качаю головой: «Я не голоден».

– Понимаю. Но вам надо поесть. Мы собираемся приготовить бургеры на гриле. И, может, немного устриц.

Я благодарю ее:

– Думаю, мне просто стоит прилечь.

Она печально улыбается:

– Держитесь, Адам. Дайте знать, если передумаете. Хорошо?

– Договорились, – отвечаю я.

10 Кристен

Белую простыню покрывают красные пятна. Сначала я думаю, что забыла в постели открытую помаду. Черт. Но потом я приглядываюсь, и пятна вызывают во мне тревогу. Я дотрагиваюсь до них и зову мужа.

Коннор входит в спальню; на поясе у него повязано полотенце, хотя он уже довольно давно вышел из душа. Все это время он лежал на диване и тихо постанывал.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

Он прижимает ладонь ко лбу.

– В голове как будто отбойным молотком тарахтят, – говорит он, снимая полотенце и доставая из белого лакированного комода одежду. – Но в целом да. В порядке.

Я рассматриваю его, а потом он вслед за мной переводит взгляд на красные пятна на простыне.

– У тебя идет кровь?

Он мотает головой:

– Да нет. Может, немного. Порезался на работе.

Я пересекаю комнату и рассматриваю порез у него на пальце.

– Многовато крови для такой царапины, – замечаю я.

– Что тут скажешь? – говорит Коннор, натягивая боксеры. – Я много пью и обильно кровоточу.

Я боюсь, что он решит исполнить песню на эту тему. Он это любит. Обычно я не возражаю. Просто сейчас я измотана. Работа. Наш брак. Наши планы завести ребенка. Проблемы наслаиваются одна на другую, и напускная веселость ничуть не помогает. Даже наоборот: попытки Коннора меня подбодрить зачастую имеют противоположный эффект. Дело во мне. Не в нем. Я просто не могу перестать думать обо всем, что нужно сделать. Так уж я устроена. Всегда вовремя. Всегда готова. Меня не переделать. Не стоит и пытаться.

Ночь я провела на сером раскладном диване. Коннор был слишком пьян, чтобы делить с ним постель. Конечно, я надеялась провести первую ночь здесь совсем иначе. Мы вот уже больше четырех лет пытаемся завести ребенка. Чего мы только ни предпринимали! Кломифен. Фолиевая кислота. Пищевые добавки для поддержания качества яйцеклеток. Мы измеряли базальную температуру тела. Собрали и заморозили мои яйцеклетки. Мы регулярно криоконсервируем сперму Коннора, чтобы во время обеденного перерыва на работе я могла достать шприц и предпринять еще одну попытку. Да, на работе. Я запираюсь в комнате отдыха и делаю свое дело. Меня это не смущает. Ничуть. Я привыкла делать то, что нужно. Встреча в девять. Заседание в час. Попытка оплодотворения в три. В шесть тридцать дорога домой с плотно сжатыми ногами.

Я знаю, что у Коннора болит голова, но он никогда меня не подводит. На него можно положиться. Отчасти именно поэтому наш странный асимметричный брак и продлился так долго. Хотя я думала, что он будет не просто официантом. Я вышла за него не ради денег, но надеялась, что он сможет найти работу получше. Я пыталась помочь. Даже ходатайствовала насчет той судимости в Калифорнии. В конце концов он ведь был молод и глуп. Но не настолько молод. Закон неумолим: судимость не исчезает только потому, что так хочется жене осужденного.

Я чувствую себя слегка заторможенной. Поездка с пьяным мужем далась мне нелегко, и я выпила одну или две таблетки снотворного, перед тем как отправить Коннора в постель и разложить диван. Но у меня есть дела. Мне тридцать девять, и время на исходе. Как и мно-

гие женщины моего поколения, я решила подождать. Я хотела устроить свою жизнь и карьеру, прежде чем стать матерью. Как же несправедливо, что мужчины с этим не сталкиваются. Биология несправедлива. Репродуктивная функция несправедлива. Один из моих коллег – мужчина под шестьдесят с молоденькой женой и двухлетним ребенком. Мне бы хотелось порадоваться за него. Он хороший человек. Но тяжело радоваться тому, что так легко дается другим и ускользает от тебя.

Выпуклость под боксерами моего мужа растет. Я гляжу на нее с одобрением. Более того, будто не могу поверить собственным глазам. Коннору это нравится. Всем мужчинам это нравится. Хотя никакого чуда здесь нет. Я вижу лишь солдата, вставшего по стойке смирно, готового водрузить флаг своей страны.

Печальная истина состоит в том, что секс превратился для нас в рутину. Не столько выражение любви, сколько расчет. Мы спим вместе потому, что я хочу ребенка. Это желание не терпит ни минуты промедления.

Проклятая биология.

Я лежу в постели обнаженная, и Коннор подходит ближе. У него стоит. Это одно из лучших его качеств. Член моего мужа встает быстро, как у подростка. Я раздвигаю ноги и наношу смазку. Мы не утруждаемся предварительными ласками: сейчас я все равно не смогу возбуждаться. Коннор тоже себя смазывает. Радостно улыбается. Порой он и правда похож на подростка. Я поднимаю ноги – хочу, чтобы он вошел в меня так глубоко, как только возможно. Хочу, чтобы сперматозоиды достигли своей цели. Хочу почувствовать горячее семя на шейке матки. И вот Коннор двигается, и у меня вырывается стон. Это приятно. Мне нравится секс. Действительно. Мне хочется полностью отдаться ощущениям, но я не могу. В голове прокручивается одна и та же мысль: *Вдруг в этот раз все получится? Вдруг я забеременею? Вдруг у нас будет ребенок?*

Все заканчивается довольно быстро. Мы оба хотим разобраться с этим делом. Вычеркнуть его из списка.

К счастью, во время секса Коннор обычно молчит. Никаких «деток» и «о да, вот так, я кончаю».

Коннор отстраняется и кладет мне под бедра подушку, чтобы подкрепить нашу мечту.

Я молчу.

– Ты в порядке?

Поначалу я не отвечаю, а потом начинаю бормотать: «Не уверена. Кажется. Надеюсь. Просто думаю о другом».

Мы перестали гадать, какие усилия потребуются, чтобы наконец-то зачать ребенка. Как-то раз я ощутила странное покалывание в тазу и уверилась, что уж теперь я точно забеременела. Но нет, ничего. Мне невыносима идея о том, что все это было зря. Нас обоих осматривал врач. Меня не назовешь идеально здоровой, но я вполне могу забеременеть.

Ну а сперма Коннора могла бы переплыть Ла-Манш.

Он моложе. Он преступник. Он работает официантом. И он плодовит как кролик. Я полная противоположность своего мужа. Я люблю его, но и немного завидую. У него есть преимущество там, где его быть не должно.

– Схожу в душ, пока ты оплодотворяешься, – говорит он с улыбкой, берет одежду и уходит.

Я лежу в постели, слегка приподняв ноги, и смотрю в треснувший экран своего айфона. Проверяю сообщения, но никому не отвечаю. Я на отдыхе. Я хочу сосредоточиться на том, что для меня важно. У меня есть список дел, и я ему следую.

Я слышу, как Коннор включает телевизор. Устраивается на диване, пока я, как он выразился, оплодотворяюсь. Повернув голову, я рассматриваю пятна крови на подушке. Не похоже на следы от простого пореза.

На самом деле я знаю, что порез тут ни при чем.

Через некоторое время мне на ум приходят детективы и пропавшая женщина. Как о таком забудешь? Это происшествие обсуждают во всех новостях – и по телевизору, и в интернете.

– Нам нужно дать показания, – говорю я.

11

Ли

– Похищение среди бела дня, – Монтроуз везет нас обратно в Шелтон, и солнце превращает шоссе в мозаику из света и теней. Мой напарник умеет сделать из обыкновенной фразы яблочко на мишени.

– Такое случается, – говорю я.

За руль всегда садится Монтроуз. Я не возражаю – не потому, что он мужчина, а потому, что это помогает ему сдерживать дрожь в руках. Кажется, он страдает болезнью Паркинсона, но я не врач. Однажды он не с первого раза смог достать деньги из кошелька, и наши взгляды встретились. Ни он, ни я ничего не сказали, но я видела смесь отчаяния и унижения в его глазах. И безмолвную просьбу: *Молчи. Не рассказывай никому.*

– Случается, – соглашается Монтроуз. – С детьми.

Он огибает дохлого опоссума, лежащего на дороге.

– Не со взрослыми людьми.

Ее мать говорит, та была сильной. Дважды в неделю занималась йогой или чем-то таким.

– Может, похититель как-то ее вырубил? – говорю я. – Как тот тип из Портленда с бутылочкой хлороформа.

– Всегда наготове, – говорит Монтроуз. – Возможно. Но вспомни, где это произошло. Это тебе не парковка в торговом центре, где можно часами сидеть в засаде.

– Верно, – соглашаюсь я. – Пляж, где ее похитили, не назовешь глушью, но добраться туда не так-то просто.

– *Если* ее похитили.

– Он говорит, что похитили.

– Ну да, – мы проезжаем мимо резиденции Билла Гейтса у отеля «Альдербрук». Монтроуз всегда об этом напоминает. Но не сегодня. Он крепко сжимает руль. Костяшки его пальцев побелели. Он сосредоточился на двух вещах – дрожи в руках и рассказе Адама Уорнера.

– О чем ты думаешь? – спрашиваю я.

– Может, она ушла, – предполагает он ровным тоном. – Может, он лжет. Может, он сам что-то с ней сделал.

Я знала, что Монтроуз это скажет. Я видела, как он глядел на Адама, когда мы брали у него показания. Я не хочу его защищать. Я хочу руководствоваться исключительно доказательствами. Но я знаю Адама. Я знаю его уже очень давно. Я помню, как он проводил почти все свободное время с моим братом и как сильно я хотела влиться в их компанию. Но у меня не было ни единого шанса. Я была девочкой, и к тому же, младшей сестрой. Он нравился мне больше всех остальных друзей брата. У него была самая очаровательная улыбка, и когда он мне улыбался, я чувствовала себя особенной. Ну да, он мне нравился.

Но ему я об этом никогда бы не сказала.

– Зуб даю, что Адам Уорнер нам не лжет, – говорю я. – Мы выросли вместе. Из всех ребят, которых я знала в Шелтоне, он меньше всех похож на похитителя.

– Может, тебе не стоит работать над этим делом? – сухо говорит Монтроуз.

Я его игнорирую.

– Чушь. Это было давно.

Он бросает на меня быстрый взгляд.

– Как скажешь.

* * *

Из окна моего кабинета видно старое сливовое дерево с сияющей на солнце серебристой корой. Каждый год приезжает арборист, чтобы опрыскать его спреем от насекомых, осмотреть почву, срезать иссохшие ветви. Это дерево посадил один из основателей городка, но всем очевидно, что его время на исходе. Когда-то я думала так и про сам Шелтон. Самый крупный работодатель в городе, деревообрабатывающее предприятие, то расширялось, то съеживалось, заставляя всех гадать, какой исход его все-таки ждет. Пока что оно не закрылось. Но переживает явно не лучшие времена. Вся наша жизнь – праздники, спортивные команды, торговля – завязана на древесине. Да, вокруг хватает живописных тихоокеанских пейзажей, цветущих холмов, безмятежных заливов. Но этого недостаточно, чтобы привлечь туристов. Мы расположены слишком далеко от Сиэтла и Такомы, чтобы стать спальным городком. Мы выжили только благодаря собственному упрямству. Мы – дети лесорубов.

А еще в нашем городе есть тюрьма. Там работа никогда не кончается.

Когда-нибудь сливовое дерево пойдет на растопку. Может быть, небольшое бревнышко сохранят на память где-то в недрах городского музея. Но, скорее всего, оно сгорит целиком.

Пока Монтроуз заполняет рапорты о свидетельских показаниях, я берусь за диспетчерские записи. Я всегда предпочитаю начинать с них. Я хочу как можно лучше во всем разобраться. Звонки в полицию – это больше чем эмоции. Это первое свидетельство произошедшего, свидетельство, от которого нельзя отмахнуться в суде; многие прокуроры отгалкиваются именно от них. Вопреки предположениям Монтроуза у нас нет подозреваемых. Единственное, что мы знаем, – что и когда сообщили нам свидетели.

Первый звонок сделала Тереза Дибли в 11:42.

Дибли: «Кто-то похитил жену мужчины из соседнего коттеджа».

Диспетчер: «Ваши имя и местоположение».

Дибли: «Тереза Дибли. Я с внуками сняла на выходные коттедж в Лилливаапсе, на берегу Худ-Канала, у «осьминожьей дыры». А живу в Порт-Орчард».

Диспетчер: «Откуда вы звоните?»

Дибли: «Адрес? Не знаю. Рядом с магистралью, на Канал-вью-роуд. Не знаю точный адрес. Но здесь всего три коттеджа. Погодите минутку...»

Молчание.

Диспетчер: «Тереза? Вы еще здесь?»

Дибли: «Погодите, да. Пыталась найти в коттедже точный адрес. Не смогла».

Диспетчер: «Не страшно. Мы вас поняли. Вы видите того мужчину?»

Дибли: «[Неразборчиво.] Нет, нет. Мой внук говорит, он побежал вверх по склону».

Диспетчер: «Хорошо. Я вешаю трубку. Полиция скоро придет. Двадцать минут».

В 11:44 – второй звонок. Аксель Беккер говорит, что на пляже между Худспортом и Лилливаапом похитили женщину.

Беккер: «Полиция?»

Диспетчер: «Да, что случилось?»

Беккер: «Здесь нужен шериф, срочно. Мужчина говорит, его жену похитили прямо с пляжа. Я все видел. Выгуливал свою собаку».

Диспетчер: «Ваше имя, сэр?»

Беккер: «Аксель Беккер. Пса зовут Уинстон».

Диспетчер: «Откуда вы звоните?»

Беккер: «Не знаю точного адреса. Я живу чуть дальше, на 4223 Канал-вью-роуд».

Диспетчер: «Вы находитесь дома?»

Беккер: «Нет. Я на пляже. Иду к этому мужчине с маленькой девочкой».

Диспетчер: «Хорошо. Вы говорите, что видели похищение».

Беккер: «Да, частично. Я видел ее. Потом мужчина, сидевший в лодке с маленькой девочкой, крикнул, чтобы я вызвал полицию».

Диспетчер: «Этот мужчина в порядке? А девочка?»

Беккер: «Откуда мне знать? Я с ним не говорил. Только увидел, как похитили женщину, а потом мужчина крикнул, чтобы я вызвал полицию. Вы пошлете кого-нибудь?»

Диспетчер: «Да, сэр. Сохраняйте спокойствие. Оставайтесь на месте. К вам направляется полицейский автомобиль».

Беккер: «Надеюсь, они скоро будут здесь. Никогда не видел ничего подобного, а я уже немолод. Такое только по телевизору показывают».

По одному только звонку, еще до того, как я встретила с Акселем Беккером, я могла бы сделать пару предположений о том, какой он человек. Он действительно немолод, его голос дрожит из-за возраста и переполняющих его эмоций. Он стал свидетелем чего-то невысказанного. Несмотря на почтенный возраст, он видел подобное только по телевизору. А еще он – мягкая, заботливая натура. Назвал диспетчеру кличку собаки.

Монтроуз и я занимались ограблением в окрестностях Альдербрука, когда получили вызов. Мы немедленно отправились в путь, но дорога все равно заняла у нас двадцать минут. Мы прибыли на место в 12:04.

Любопытно, что Тереза, позвонившая первой, ничего не видела и лишь повторила слова Адама. Аксель был непосредственным свидетелем преступления, но позвонил через пару минут после Терезы. Хотела бы я знать почему.

В кабинет заглядывает Монтроуз.

– Пришли Коннор и Кристен Мосс, – говорит он.

Я беру блокнот, надеясь записать там объяснение произошедшего:

– Идем.

12

Ли

Коннор и Кристен Мосс, без сомнения, очаровательная пара. Коннор – смуглый, с темными волнистыми волосами, коротко обрезанными по бокам, но не в стиле Третьего рейха. Приятные, угловатые черты лица, жилистые руки. Кристен – полная его противоположность. Она сногшибательна и явно привлекает больше внимания, чем муж. На шее у нее висит платиновый кулон с сапфирами в стиле ар-деко. Он подчеркивает ее голубые глаза. Мы с Монтроузом садимся напротив, в чересчур ярко освещенной комнате для допросов, и я благодарю их за то, что они пришли. Скоро начнется наш обеденный перерыв. Монтроуз предпочитает каждый день есть в одно и то же время. Но сегодня ему придется потерпеть.

– Вы могли бы просто позвонить, – говорю я.

Кристен тут же отвечает.

– Конечно. Но как представитель судебной власти я обязана удостовериться, что вы получите всю необходимую информацию. Хотя я... – она осекается на полуслове. – Хотя мы ничего не знаем.

– Конечно, – говорю я, хотя это решать мне. Не им.

– Женщина из соседнего коттеджа рассказала нам подробности. То, про что не говорили в новостях, – говорит Коннор. Его голос тише, чем у жены. – Поверить не могу.

– Да уж, – наконец-то подает голос Монтроуз. – Не люблю, когда говорят «у нас такого не случается», но в данном случае это правда. У нас такого действительно не случается.

– Да, – говорит Коннор, – мы с Крис говорили об этом по дороге. В Сиэтле всякое бывает, но не здесь. Мы уже столько лет сюда ездим. Привыкли считать это место своим, а тут вдруг такое.

– Думаю, не пора ли пересмотреть наши планы? Может, стоит вычеркнуть из списка коттедж и начать отдыхать на Гавайях, как все нормальные люди? – добавляет Кристен.

Мы продолжаем разговор и узнаем, что Кристен работает юристом в крупной фирме, а Коннор – официантом в шикарном ресторане, который, я уверена, не идет ни в какое сравнение с «Лесопилкой», самым дорогим заведением Шелтона.

– Официант-распорядитель, – уточняет Кристен.

Я киваю. Разница мне ясна, и, кроме того, мне ясно, что Кристен хочет выставить карьеру мужа в наиболее приглядном свете. Я уже представляю, какой язвительный комментарий опустит мой напарник, когда они уйдут.

– Вы приехали сегодня рано утром, – говорю я. – Во сколько?

– Верно, – говорит Кристен. – Раньше никак не получалось. Пятница выдалась суматошной, мы выехали только в десять вечера. В коттедж приехали ближе к утру. Боюсь, не могу назвать точное время.

– Я совсем умотался, – встречается Коннор. – Не знаю, во сколько мы приехали. Я тут же рухнул в постель. Моментально вырубился.

Кристен кидает на мужа раздраженный взгляд.

– У нас обоих весьма утомительная работа. Да, он быстро уснул.

– Вы заметили внутри или возле коттеджей что-то необычное? – спрашивает Монтроуз. – Вы ведь часто там бываете, да?

Ему отвечает Коннор:

– Частенько, да. Ничего не изменилось. Те же осьминоги на стенах. Тот же пляж.

– Может, вы видели других постояльцев или говорили с ними? – продолжает Монтроуз.

На этот раз отвечает Кристен:

– Я говорила. Коннор проспал все утро. Я немного поболтала с женщиной по соседству. Она показалась мне очень милой. Внуки доставляют ей массу хлопот.

– Коннор, – говорю я, – вы провели в коттедже все утро? Мне казалось, вы ходили на прогулку.

Коннор потирает затылок.

– У меня случаются сильные мигрени, – отвечает он. – Я выпил таблетку и уснул без задних ног. Кристен ушла гулять одна.

Та глядит на мужа:

– Эти приступы происходят все чаще и чаще. Я твержу ему, что нужно проконсультироваться с другим врачом. Но откуда мне знать? Я же юрист, а не доктор.

Ну конечно. Кристен Мосс – из тех юристов, которые в любом разговоре найдут способ упомянуть свою работу.

– Куда вы отправились? – спрашиваю я Кристен.

– Куда глаза глядят, – отвечает она. – Поехала в Кушман, погуляла там возле озера. Чуть не поджарилась на солнце. Ну да не страшно. Я всегда использую солнцезащитный крем.

– А вы, Коннор?

– Надел шумоподавляющие наушники и уснул. Ужасно себя чувствовал. Накануне переборщил с выпивкой, а тут еще и мигрень. Вот и все.

– Вы что-нибудь слышали? – спрашивает Монтроуз.

– Нет, – говорит Коннор. – У меня первоклассные наушники.

Ну еще бы, думаю я.

Кристен встает из-за стола и взглядом велит мужу следовать за ней. Он так и делает. Кристен протягивает мне визитку.

– На обороте мобильный телефон Коннора, если он вам понадобится. И моя частная линия в юридической фирме.

Ах, так она, оказывается, юрист?

* * *

– Только время зря потратили, – говорит Монтроуз.

– Да, – соглашаюсь я, – но по крайней мере теперь мы знаем хорошего юриста.

Он улыбается:

– Примечательная личность, не спорю. Жаль ее мужа. Наверняка она каждый раз уточняет, что он не просто официант, а официант-распорядитель.

– Мы ничего про них не знаем, – напоминаю я.

– А они ничего не знают про похищение. Мисс Независимость и мистер Мигрень. Тоже мне! Ну и парочка! Сочувствую гавайцам. У них не случилось ничего столь же раздражающего с тех пор, как тот придурок нечаянно включил воздушную тревогу.

Мы продолжаем разговор, направляясь обратно к нашим кабинетам.

– У нас есть только слова мужа и старика с собакой. Муж уронил очки, а собачнику за восемьдесят.

– Ему семьдесят семь, – говорю я.

– Плевать. Суть в том, что наших свидетелей первоклассными не назовешь, – говорит Монтроуз, передразнивая Коннора Мосса.

– Они видели, как кто-то похитил Софи.

– Так говорит Адам Уорнер. Старик на пляже видел лишь, как Софи с кем-то боролась. Он не знает, кто именно ее утащил.

– Тогда что, по-твоему, произошло? Она пропала.

– Ага. Точно. Пропала. Я не знаю, что произошло. Но сказка про то, что ее ни с того ни с сего утащил какой-то маньяк, не внушает мне доверия.

– Такое случается каждый день, – говорю я. – Пусть и не здесь.

Монтроуз слегка пожимает плечами.

– Не сомневаюсь, – говорит он. – Но середь бела дня? В одиннадцать часов?

– Это необычно, – соглашаюсь я. – Слишком прямолинейно для кого-то, кто не охотился именно на нее.

– Она уронила бокал с вином, – добавляет Монтроуз. – Страдала алкоголизмом, что ли?

– Ее родители о таком не упоминали, – говорю я. И тут же чувствую себя дурой, потому что я даже не спросила их об этом. Одиннадцать утра – действительно рановато для выпивки. Даже на отдыхе. Впрочем, даже если бы я спросила родителей Софи про вино, вряд ли они стали в самом начале расследования охотно рассказывать про зависимость дочери.

– На самом деле, – говорит Монтроуз, усаживаясь в свое старое кресло, обмотанное невероятным количеством скотча, – мы совершенно ничего не знаем про Адама и Софи Уорнер. – Он на секунду замолкает. – Точнее, я ничего про них не знаю. А что насчет тебя, Ли?

13

Адам

Я хожу туда-сюда по блестящему сосновому полу коттеджа, и он скрипит от каждого моего шага. Сейчас около половины девятого, и солнце за окном все еще бросает лучи света на воду. Старинные часы на кухне тикают, как метроном, напоминая мне о моем одиночестве, хотя я вовсе не нуждаюсь в напоминаниях. Я не привык расхаживать кругами. Но сегодня мне многое нужно обдумать. Я прохожу мимо комнаты, где спала Обри. Гадаю, каково ей сейчас с бабушкой и дедушкой. Ей всего три, но она сообразительный ребенок. Она знает, что ее дедушка терпеть не может папу. А я знаю, без всякой тени сомнения, что меня она всегда будет любить больше, чем его. Пожалуй, это единственное, в чем он готов мне уступить. Хелен, наверное, набирает сейчас ванну, наливает туда пены, проверяет, что вода не слишком горячая. Она неплохой человек. Порой я вижу отголоски Хелен в Софи в тех чертах ее характера, которые мне отвратительны. Иногда, когда ей говорят что-то, с чем она не согласна, она притворяется, что ничего не слышала. Она всегда говорит, что у нее все хорошо, даже когда это очевидная ложь. Иногда она запирается в спальне и задергивает шторы, чтобы спрятаться в этой крепости от всего, что ее огорчает. Я не знал об этом, когда женился на ней. Я думал, что она такая, какой хочет казаться, – веселая, умная, сексуальная. Забавно, как часто такие черты характера оказываются лишь маской, за которой скрывается настоящий человек, ролью, которую он играет. Поначалу Софи любила приключения. Кивала в разговоре, даже когда не слушала. Была готова прыгнуть в постель, даже когда поблизости не было постели. Я не знал, что все это – иллюзия. Я думал, она и правда такая.

Со связью здесь проблемы, но мой телефон все равно беспрестанно трезвонит. Я бесильно падаю на синий диван в гостиной и пролистываю сообщения, которые начали приходить с шести вечера и приходят до сих пор.

Чувак, я слышал, что случилось с Софи?

Мне приехать?

Черт побери!

Ее найдут.

Ты вернешься сегодня?

С Обри все хорошо. Верно?

Поверить не могу.

Что случилось?

Ты в норме?

Мне пишут друзья и родные, узнавшие о похищении из новостей или социальных сетей. Я всем отвечаю, хотя и не знаю толком, что сказать. Естественно, я не в норме. Да, Софи найдут. Нет, помощь мне не нужна. Да и что они могут сделать?! Слова утешения и поддержки мне ничуть не помогут. Я мог бы притвориться, солгать. Но правда куда сложнее. Я люблю свою жену. И я ее ненавижу. Я любил то, чем мы могли бы стать. Но, как бы тяжело ни было это признавать, те времена давно прошли. Обри все изменила. Когда она родилась, наша жизнь вышла из-под контроля и стала совершенно иной. Теперь я отец, а Софи – мать. Я узнал, что мать значит больше отца. Мать – превыше всего. Отец – это роль. Биологическая функция. А мать священна. Материнство поглощает брак до мельчайшей частицы. Без остатка.

* * *

Я откладываю телефон в сторону и достаю бутылку виски, которую привез из Сиэтла. Хотя я планировал провести эти выходные с семьей, я знал, что неизбежно буду сидеть и пить в одиночестве, жалея себя. Я предложил съездить на отдых, чтобы наладить отношения между нами, и Софи согласилась. Согласилась, как ваш знакомый соглашается поехать на бейсбольный матч, где будет играть ваш сын. Знакомому это совершенно не нужно и не интересно. Но он все равно едет, потому что вы его позвали, а он не успел придумать подходящую отговорку, чтобы вас не обидеть.

Я ни с кем не обсуждаю проблемы в нашей семье. И никогда не обсуждал. Софи, по моему, делает так же. В этом она похожа на свою мать. Скрывает свои чувства. Она всю жизнь наблюдала, как Хелен выстраивает невидимую стену, чтобы защититься от Фрэнка. Я не Фрэнк. Я не такое животное, как он. Но невозможно избавиться от черт характера, сформировавшихся в прошлом. Наш брак тихо распадается, беззвучно угасает. Я люблю Софи, в этом нет никакого сомнения. А она? Я не уверен, что она обо мне думает. Если бы она действительно меня любила, то не поступила бы так.

Я отхлебываю виски из бутылки, и горло охватывает знакомый сладкий жар. Я всегда думаю о Софи, когда пью. Странное чувство – любить кого-то до боли.

Я звоню Хелен.

– Как там Обри? – спрашиваю я.

– Есть какие-нибудь новости? – говорит она срывающимся от волнения голосом.

– Нет. Ничего, тишина. Как Обри?

– Она не понимает, что происходит, так что все хорошо.

Ее голос начинает дрожать еще сильнее. Легко забыть, что за ее холодной, бесчувственной маской скрывается настоящий человек. Знаю, нехорошо так думать. Но она всегда казалась мне такой.

– Фрэнк вне себя от ярости, – говорит она, отстраняясь от эмоций, которые причиняют ей боль.

– Чем он занят?

– Сидит в кабинете. Обзванивает всех подряд – от ФБР до журналистов.

– ФБР?

– Фрэнк уверен, что ее похитили с целью получить выкуп, – говорит Хелен. – Конечно, он готов заплатить. Я знаю, что и ты тоже.

– Разумеется, – отвечаю я, – но никто не потребовал выкупа. Ее похитили не за этим.

Пару секунд она молчит. Думает о том, что ей велел сказать муж.

– Мы не знаем наверняка, – говорит она.

Я слышу на заднем плане голос Фрэнка. Он подходит ближе к телефону.

– Кто это? – спрашивает он.

– Адам.

Фрэнк берет трубку.

– Есть какие-то новости?

– Ничего, – отвечаю я. – Ведется расследование.

– Ты видел этих детективов? Пара деревенских недоумков, как по мне.

Я молчу.

– ФБР не станут вмешиваться, пока не будут уверены, что это именно похищение с целью выкупа. Ты можешь в это поверить? Иначе дескать оно не попадает под федеральное законодательство. Бьюсь об заклад, они бы запели совершенно иначе, будь это их малышка.

Он всегда называет ее так. *Моя малышка*. Как будто ей шесть, а не тридцать три.

– Думаю, похититель уже выдвинул бы свои требования, – говорю я, хотя сам не вполне уверен в этих словах. Я размышляю, пока Фрэнк продолжает свою тираду. Телефон Софи остался в коттедже. Мой телефон – у меня в руке. Похититель вряд ли смог бы связаться со мной, если только похищение не было спланировано заранее. С другой стороны, он мог бы позвонить в полицию или журналистам. Необязательно говорить со мной лично.

Но я молчу. Фрэнка интересуют лишь собственные разглагольствования.

– Я позвонил в «КОМО-ТВ», – говорит Фрэнк. Гордо заявляет. – Линда Ландан попытается что-нибудь разузнать.

Линда Ландан – последняя представительница старой гвардии телеканала, который пытался подстроиться под молодое население Сиэтла, выросшее в эпоху безграничной власти Амазона. Линде под пятьдесят, и из-за пластических операций и инъекций ботокса ее лицо сохраняет абсолютно бесстрастное выражение даже во время репортажа о пожаре, унесшем несколько жизней. Однако она твердо намерена бороться за эфирное время до последней капли крови.

Я ее не выношу. Я говорил об этом. Фрэнк в курсе. Поэтому-то он ее и выбрал.

– Хорошо, – говорю я. – Помощь нам не повредит. Главное – найти Софи.

Я слышу шум мотора и выглядываю в окно. Это синий «Лексус». Вернулись постояльцы из третьего коттеджа, «Лилии». Женщина держит своего спутника под руку. Я по-прежнему прижимаю к уху телефон, но Фрэнк закончил говорить. Даже попрощаться не соизволил. Просто передал трубку Хелен, которая, как обычно, резко меняет тему.

– На десерт у нас сегодня вишневый пирог.

– Пока, Хелен, – говорю я. – Поцелуй Обри перед сном от меня.

Затем я звоню своим родным. Сначала маме, которая живет в Чандлере, штат Аризона. Потом папе, который, как и всегда в это время года, уехал охотиться в Спокан. И, наконец, брату Кигану в Лос-Анджелес. Всем им я рассказываю одно и то же, и их ответы оказываются весьма красноречивы.

Я: Хотел рассказать тебе первым, пока про это не стали говорить в новостях.

Мама: О, господи боже.

Папа: Уверен, что она не сбежала к любовнику?

Киган: Хочешь, я прилечу?

Я знаю, что Киган готов бросить все дела в отеле, которым он управляет. Он мог бы приехать к завтрашнему утру.

– Я в порядке, брат, – говорю я. – Посмотрим, что скажут в полиции. Они уже занимаются этим делом. Одна из детективов – Ли Хуземан.

– Сестренка Кипа?

– Да, – подтверждаю я. – Мир тесен.

Мы разговариваем еще некоторое время, потом я кладу трубку и возвращаюсь к своему виски.

Я направляюсь в сауну и настраиваю температуру. Я думаю об отце и о том, как он сразу же начал обвинять Софи, как будто мне от этого станет легче. Как мама завела молитву, хотя звук в трубке то обрывался, то появлялся вновь. Ее это не заботило. Сам факт молитвы важнее, чем то, услышит ли ее Бог или еще хоть кто-то.

Сауна располагается рядом с кухней. Внутри сауна обшита кедром и обогревается электрической топкой. Когда я открываю дверь, в лицо мне бьет раскаленный воздух. Словно пощечина. Соответствует моему душевному состоянию. Я успел раздеться и взять полотенце и теперь завязываю его вокруг пояса. Сев на деревянную скамью, я позволяю жару окутать меня; пот скатывается у меня со лба и смешивается со слезами.

Что бы там ни думали окружающие, я вовсе не бессердечный истукан. У меня есть чувства. Честно. Я просто не считаю нужным кричать о них на каждом углу. Это все моя вина. Я один. Моя жена пропала. Я никак не могу повлиять на то, что произойдет дальше.

Я не умею управлять миром. Не умею контролировать людей. У меня никогда это не получалось.

Через полчаса я засыпаю на диване с бутылкой в руке.

А потом внезапно звонит телефон, словно рой рассерженных пчел. Девять утра. Черт побери. Я проспал. Как я мог проспать?

Брат прислал сообщение: «Проверь “Фейсбук”».

14

Ли

В субботу ухожу с работы поздно вечером, почти в одиннадцать, и меня до сих пор не покидает напряжение от встречи с Адамом и от трагедии, которая с ним произошла. До меня доносится запах фейерверков, которые только что запустили возле старшей школы Окленд Бэй – неотъемлемая часть ежегодного Лесного фестиваля Шелтона. Не сомневаюсь, посторонним наш праздник кажется глупым. Но мне все равно. Это часть нас. Каждый год на День поминовения проводятся соревнования по рубке леса и парад Пола Баньяна², приезжают передвижные ярмарки. Соревнования по рубке леса пользуются неизменной популярностью в нашем городе, построенном на усыпанной опилками земле. В семнадцать лет я боролась за звание Королевы леса, но проиграла. Об этом титуле мечтают почти все девочки в городе.

По сей день.

У меня сохранилась изумрудно-зеленая с серебристой вышивкой лента, которую выиграла в 1948 году моя бабушка. После ее кончины мама хотела выкинуть ленту, но я выудила ее из мусорной корзины. Я обожала бабушку. Она всегда говорила мне, что со мной все будет хорошо, несмотря на случившееся.

– Никто не украдет твое будущее, Ли.

Входя в дом, я невольно уповаю на то, что бабушка была права.

Пока я шарю в морозилке, в моем маленьком синем домике царит тишина. Выудив коробку с замороженным обедом, я ставлю ее в микроволновку. Мой незамысловатый поздний ужин крутится под тусклой лампочкой, а я меж делом оглядываюсь по сторонам.

Все вокруг напоминает мне о том, кто я, и о моем прошлом. Над обеденным столом, купленным на блошином рынке, висят тарелки из делфтского фарфора, которые коллекционировала моя бабушка. Они висели на стене в ее большом доме в Такоме. Она предпочитала беречь красивые вещи. К столовому серебру на верхней полке буфета тоже никогда не прикасались. Фарфоровыми тарелками любовались и хвастались, но никогда не пользовались. А мама считала иначе. Она говорила, что от красивых вещей нужно получать удовольствие и что бабушка только зря копила свои безделушки, вместо того чтобы ими наслаждаться. Интересно, на кого из них больше похожа я?

Я живу одна. Со своей кошкой. Я знаю, что возвела вокруг себя стену. Непроступную стену. Я ревностно оберегаю свою жизнь. Иногда я думаю, что на то есть хорошая причина, но чаще признаю, что это лишь цепная реакция, результат того, что произошло, когда мне было двенадцать.

Когда меня нашел Адам Уорнер.

* * *

Я видела ту машину накануне. Это был синий седан. Я разбираюсь в машинах, потому что в них разбирался мой брат, но все же не могу по памяти определить модель. Мы с Шарлин прошли мимо этой машины по пути в школу. Семья Шарлин жила в двух домах от нас, и мы с ней были не то чтобы лучшими подругами, но в школу всегда ходили вместе. Она трещала без умолку, и меня это вполне устраивало. В те годы я предпочитала слушать. Из ее небылиц я с легкостью вычленила крупницы правды, и этот навык пригодился мне в дальнейшей карьере.

² Пол Баньян – гигантский дровосек, фольклорный американский персонаж. – *Прим. пер.*

В то утро Шарлин рассказывала про своего дядю, который жил не то в Латвии, не то где-то поблизости и пригласил ее погостить в своем замке, когда она снова окажется в тех краях.

– Я не знала, что ты бывала в Европе, – сказала я.

– А ты разве нет? – спросила она, привычно уходя от ответа.

– Нет. Прошлым летом мы ездили в Калифорнию посмотреть на секвойи. Больше я нигде не была.

– Круто, – сказала Шарлин, откидывая за плечо свои темные косички и поправляя рюкзак. – Я рассказывала тебе, как брат моего папы проплыл от Сан-Франциско до Гавайев в лодке, которую сам вырезал из секвойи?

Не рассказывала. Но я не сомневалась, что расскажет.

На следующий день Шарлин не пошла в школу из-за визита к стоматологу. Накануне вечером, когда мы возвращались домой, она сказала, что один из ее зубов прорезался под странным углом.

– Стоматолог сказал, что еще не видел ничего подобного, – похвасталась она. – Никогда в жизни!

Синяя машина ждала на том же месте.

А затем меня поймали.

* * *

Я встаю, чтобы достать еду из микроволновки. Миллисент идет за мной. Забавно, как самые трагичные события нашей жизни навсегда остаются в памяти, за непроницаемой стеной. Я заливаю кипятком пакетик «Эрл Грея». Пытаюсь отвлечься на чай, на кошку, но спусковой крючок уже нажат. Я снова вынуждена воссоздать в памяти то «происшествие», как говорила моя мама, а вслед за ней и я.

С чувством.

Без свойственных Шарлин преувеличений.

С осознанием, что тот день сделал меня той, кто я есть.

Его звали Альберт Дэвис Ходж, но тогда я этого не знала. Я не знала, что в мире вообще живут такие люди, как он.

* * *

Он стоял у своей машины, когда я приблизилась. У него было доброе лицо. Он носил очки. Волосы были аккуратно расчесаны. Его слова не увязывались с тем фактом, что я видела его машину накануне, но тогда я не обратила внимания на несостыковку.

– Я заблудился, – сказал он, тыкая пальцем в газету.

Я наклонилась ближе, чтобы прочитать адрес в объявлении, обведенный ручкой. Мне доводилось видеть, как отец помогал прохожим найти дорогу. Это простая вежливость.

– Да, – сказала я, – это на другом конце города. Вам нужно повернуть и поехать в ту сторону.

– Блин! – сказал он. – Прости мне мой французский.

– Ничего, – ответила я.

– Меня зовут Ал.

Я подумала, что это как-то странно. Зачем он представился? Я иду в школу. Мне незачем знать его имя. И незачем называть свое в ответ.

Но я все же представилась:

– А меня – Ли.

Он снова посмотрел в газету и сделал озадаченное лицо.

– На другом конце города, говоришь? Угрозило же меня так заплутать. Теперь я точно не найду дорогу.

Он снял очки и протер их рукавом рубашки в красно-синюю клетку. Ал был старше моего брата Кипа, но ненамного: ему было лет двадцать. Явно не школьник. Непонятно, откуда у него могла взяться такая шикарная машина, но на эту странность я тоже не стала обращать внимания.

– Я развожу кошек, – сказал он. – Собираюсь продать им одну красавицу.

– Обожаю кошек, – сказала я.

– Хочешь посмотреть? Она персидская, с голубыми глазами.

* * *

Дура. Дура. Дура. Я знаю. Я знаю, что не следовало заглядывать в машину. Я и тогда это знала. Меня учили не садиться в машину к незнакомцам. Не общаться с ними слишком близко. Быть вежливой. Улыбаться. Проявлять уважение. Смотреть в глаза. Но никому не позволять до себя дотрагиваться. Не давать подходить слишком близко.

– С маленькими девочками случаются плохие вещи, – сказал мой отец однажды в воскресенье, когда мы рубили дрова, незадолго до того, как это случилось. Во всех новостях крутили одну и ту же историю. В Чехалисе похитили десятилетнюю девочку у самых дверей ее дома. Само собой, журналисты смаковали эту историю. Твердили *пока ничего не известно*, будто это было новостью. Итог для многих оказался предсказуем. Изувеченное тело нашли в зарослях ежевики, покрывавших заброшенный участок неподалеку. Девочка подверглась жестокому насилию, хотя в том возрасте я поняла лишь, что ее избили. Я не знала, что мужчины делают порой с маленькими девочками. А мой отец знал.

– Даже здесь, в Шелтоне, – сказал он, занося топор над ольховым бревном. – Всегда будь начеку, когда видишь незнакомца, Ли. Всегда. Понимаешь?

Я сказала, что понимаю.

Но в тот день я не последовала его совету. В день «происшествия». Я заглянула в машину и тут же увидела, что никакой кошки там не было. А потом Ал прижал ладонь к моему носу и рту.

Свет погас.

* * *

Как оказалось, скотч может пригодиться не только в ремонте. Когда я проснулась, то обнаружила, что связана по рукам и ногам. Рот был заклеен. Я помню, как провела языком по передним зубам и почувствовала привкус клея. Это мелочь, конечно. Но такие мелочи то и дело приподнимают завесу памяти. Я ненавижу ходить к стоматологу, потому что всякий раз после гигиенической чистки я невольно провожу языком по липким зубам. И мне мерещится привкус скотча. Каждый раз.

Я знаю, что он сделал что-то со мной «там», как я объясняла впоследствии. Мне было больно, и шла кровь. Кажется, я плакала, но точно не помню. Помню, что мысленно звала родителей и брата. Лежа там, нагой и связанной, я знала, что, если меня не найдут, я умру, как та девочка из Чехалиса.

Жаль, что тогда я не знала ее имени. Жаль, что я не следила за новостями. Не следовало заглядывать в машину. Интересно, может, та девочка сделала то же самое. Может, ее тоже обмотали скотчем, прежде чем она успела опомниться.

Я пытаюсь поесть, но это пустая затея: кусок не лезет мне в горло. Спустя минуту я ложусь в постель вместе с кошкой, полностью одетая, оставив прикроватную лампу включенной.

Я всегда оставляю ее включенной.

15

Адам

Я проезжаю полмили до «осьминожьей дыры» и расталкиваю локтями собравшихся зевак. После худшей субботы в моей жизни настало худшее воскресенье моей жизни. Мое сердце стучит, как набат. У меня есть веская причина, чтобы быть здесь. Остальные просто собрались поглазеть на представление. С момента пропажи Софи прошло двадцать четыре часа, и произошло именно то, что пророчил ее отец. Ее больше нет. Я вижу, что за полицейским кордоном в воде плавает тело женщины. Она обнажена и лежит лицом вниз. Даже не видя лица, я знаю, что это она. Я узнаю ее волосы, ноги, тонкие запястья. Я вижу татуировку колибри, которую Софи сделала в семнадцать лет, – она всегда утверждала, что ее родители об этом не знают.

Теперь наверняка узнают.

– Кажется, это моя жена, – говорю я.

Ко мне поворачивается помощник, которому на вид лет четырнадцать, и еще один офицер.

– Этого не может быть, – говорю я, хотя прекрасно знаю, что это не так.

– Сэр, пожалуйста, подойдите, – говорит четырнадцатилетка.

Я продолжаю глядеть на покачивающееся в воде тело моей прекрасной жены.

– Что? – переспрашиваю я растерянно.

– Подойдите, – повторяет он. – Подойдите сюда.

На какое-то мгновение все смотрят на меня. Но лишь на мгновение, потому что трудно оторвать взгляд от того, что ты не видел никогда в жизни. И не хотел видеть.

Я редко плачу. Очень редко. Но в этот момент, когда я увидел потрясенное лицо плачущей девочки-подростка, у меня на глаза тоже наворачиваются слезы.

Другой офицер кладет руку мне на плечо.

– Я знаю, что это тяжело, – говорит он. Он старше. Возможно, он действительно знает, каково это – видеть свою жену, мать своего единственного ребенка, прибитую к берегу, как выброшенный манекен. Она так бледна. Цвета мела. Кукла, сделанная из мела. К нам приближается криминалист, чтобы зафиксировать все детали, прежде чем тело достанут из воды.

– Могу ли я кому-нибудь позвонить, сэр?

Я поднимаю взгляд:

– Родителям Софи.

– Вы уверены, что это она?

– Я даже отсюда вижу ее татуировку. Это она, – я подношу руку к глазам и смахиваю слезы. – Я увидел пост в «Фейсбуке». Ее родители не пользуются «Фейсбуком», но, возможно, кто-то из их знакомых пользуется. Надо им сообщить. Это их единственный ребенок.

Помощник кивает и ведет меня к карете скорой помощи. Я сажусь, пока помощник отходит, чтобы поговорить еще с одним офицером. Незачем было вызывать скорую помощь. Софи уже не помочь. Она безвозвратно мертва.

– Детективы уже едут из Шелтона, – говорит он. – Родителей вашей жены уведомят, если только вы не хотите сами это сделать. Но, несмотря на татуировку, нам нужно провести опознание.

– Я уже ее опознал, – говорю я. – Это она.

– Хорошо, – отвечает он ровным голосом, – но нам нужно, чтобы вы взглянули на ее лицо.

– Это моя жена. Я знаю ее тело не хуже собственного.

– Не сомневаюсь. Но такова процедура. Хорошо? Сейчас ее достанут из воды. Перед тем как мы отправим ее в морг, вам нужно будет посмотреть на ее лицо. Ладно?

Я не хочу на нее смотреть. Не хочу видеть ее лицо. Я хочу запомнить ее живой, а не пролежавшей всю ночь в воде.

– Ладно, – говорю я. – Я посмотрю.

– Хорошо, – отвечает офицер. – Оставайтесь здесь.

Я наблюдаю, как он проталкивается сквозь толпу, и, когда люди расступаются, я вижу, что Софи успели достать из воды и положить на каталку. Ассистент держит над ней одеяло – то ли ради приличия, то ли для того, чтобы уберечь собравшихся от жуткого зрелища. Не уверен. Но мне все прекрасно видно – ее белое тело катят прямо ко мне. Я зажимаю рот ладонью. Кажется, меня вот-вот вырвет.

Ее глаза открыты. Смотрят в пустоту. Мне на ум приходит свежая рыба на рынке, глядящая наверх из кучи льда. Видящая пустоту. Мне хватает сил лишь взглянуть ей в глаза. Потом я вынужден отвернуться. Я не могу произнести ни слова. Полицейские хотят, чтобы я ее опознал. Да, это она. В этом нет никаких сомнений. Но я словно онемел. Помощники смотрят на меня, как на инопланетянина. Но мне не под силу объяснить свое молчание. Я просто сижу, склонившись над телом Софи, и стараюсь сдержать тошноту.

– Это ваша жена? – спрашивает тот, что постарше.

Я встречаюсь с ним взглядом. Он полон сочувствия, но я вижу, как он рад, что не оказался на моем месте. Такие взгляды кидают на подчиненного, которому я поручаю самое неприятное задание. *Уж лучше ты, чем я.* Я моргаю и снимаю очки. Мой голос срывается, когда я наконец отвечаю.

– Да, – говорю я. – Это Софи. Это она.

Я не двигаюсь. Просто сижу на месте. Толпа вновь расступается. На этот раз они пропускают Ли Хуземан и Зака Монтроуза. Детективы из округа Мейсон снова здесь.

16 Ли

Адам смотрит на тело своей жены. На его лице – самая глубокая печаль, которую я когда-либо видела. А я повидала немало скорби. Я видела, как мать сжимала мертвое тело своего ребенка, стоя перед горящим домом. Видела, как отец бросился под колеса машины, узнав, что его жена совершила самоубийство. Все мы знаем, какое это огромное горе, но никому не под силу действительно понять его, пока не настанет наш черед. Адам бледен, его глаза покраснели. Он дрожит, переводя взгляд на меня. Так выглядит разбитое сердце.

Монтроуз беседует с криминалистами и полицейскими. В нашем участке нет своего судмедэксперта. Тела людей, погибших при подозрительных обстоятельствах, переправляют на восток, в округ Китсап. Здесь явно именно этот случай.

– Куда вы ее заберете? – спрашивает Адам.

– Ее увезут в Брементон, там судмедэксперт из Китсапа проведет вскрытие. Мы выясним, что с ней произошло.

– Я видел, что произошло, – говорит он, и в его голосе прорезается злость.

Гнев – это хорошо, думаю я. Он исцеляет.

– Да, я знаю. Ее похитили.

– Да. Какой-то ублюдок, который... Который все еще на свободе.

– Я знаю, – повторяю я.

Он пристально смотрит на меня.

– Почему вы не ищете его? Он все еще где-то здесь. Он не стал далеко ее увозить, верно?

– Похоже на то, – соглашаюсь я, давая ему возможность выговориться. Адам Уорнер ни за что не признает это, но он сейчас в шоке. За минувшие двадцать четыре часа его жизнь и жизнь его дочери перевернулась вверх дном. Я говорю, что мне нужно поговорить с напарником и судмедэкспертом. Так как завтра праздничный день, тело Софи, скорее всего, оставят в морге до вторника.

Я смотрю на тело, а потом иду к Монтроузу, который стоит возле причала.

– Туристы из Канады плавали на каяках и заметили что-то в воде – как им показалось, надувную куклу, – говорит он, указывая на стоящих на берегу мужчину и женщину. – Приехали отдохнуть.

– У многих тут выдался неважный отдых.

Монтроуз игнорирует мое замечание.

– Помощник сфотографировал всех зевак. Молодчина. Дескать читал где-то, что убийцы часто возвращаются на место преступления.

– Да ну? – саркастически отвечаю я.

– Ага, – говорит он. – Я похвалил его за отличную работу. Кстати, а как он нас опередил?

Монтроуз указывает на Адама, сидящего на траве и прижимающего ладони к лицу:

– Я спросил, и никто из присутствующих его не оповещал.

– Помощник говорит, кто-то написал в «Фейсбуке». В наши дни сложно что-то скрыть, Монтроуз.

– Ненавижу интернет, – говорит он, потряхивая коробочкой с леденцами. – От него одни проблемы.

– Можно делать покупки онлайн.

– Там нет ничего, что я не мог бы купить в гипермаркете.

Я слегка улыбаюсь. Пусть он ворчит, сколько вздумается, – я-то знаю правду. Я видела, сколько у него в багажнике коробок с «Амазона».

- У нее синяки на бедрах и запястьях, – говорю я.
- Изнасилование, – говорит Монтроуз. – Неудивительно, раз ее похитили.
- Что ж, теперь мы знаем, что она не сбежала с любовником.
- Да, – говорит Монтроуз. – Она ушла не по своей воле.
- Я запросила список всех местных жителей, обвинявшихся в сексуальных преступлениях, и заодно условно освобожденных. Когда закончим здесь, давай с ними поболтаем. Я ставлю на кого-то, кто уже совершал подобное раньше.
- Или долго думал и наконец-то решился.
- Я возвращаюсь к Адаму.
- Ассистент может подвезти тебя до коттеджа, – говорю я.
- Я сам доеду, – отвечает Адам.
- Уверен?
- Я могу вести. Мне нужно собрать вещи и позвонить родителям Софи. И подумать, что я скажу Обри.
- Мы можем прислать священника, – говорю я.
- Он встает.
- Нет. Софи не была верующей, как и я. Мне просто нужно осознать, что здесь произошло.
- Он останавливается и смотрит вокруг, на сгрудившуюся толпу, полицейские автомобили, скорую помощь.
- Что именно произошло? – спрашивает он.
- Кто-то убил твою жену, – говорю я. – И, похоже, совершил нападение.
- Нападение, – повторяет он, смаргивая слезы. – Да, я же это видел, помнишь? Кто-то силой утащил ее прямо у нашего коттеджа.
- Я должна сказать это. Лучше я, чем «Фейсбук».
- Мы еще не провели полный осмотр, но, Адам, похоже, что на Софи было совершено нападение сексуального характера.
- Ее изнасиловали?
- Да, похоже.
- Значит, – говорит он, – вы сможете отыскать ДНК убийцы. Так?
- Адам смотрит сериалы про полицейских, совсем как парень, который сфотографировал зевак на месте преступления. Если бы я выпивала всякий раз, когда кто-то в баре, посмотрев криминальную сводку, начинает рассуждать о нарушенной цепочке доказательств или неправомерно добытых уликах, я... ну я бы спилась.
- Не факт. Она пробыла в воде не меньше нескольких часов. Следы, которые мог оставить на теле убийца, могли быть смыты.
- Многовато предположений, – говорит мне Адам.
- Боюсь, что так.
- К нам подходит Монтроуз.
- Соболезную вашей утрате, – говорит он Адаму.
- Адам кивает в ответ.
- Просто найдите того, кто это сделал, детектив, – говорит он. – Просто найдите его.

17 Ли

За столиком для пикника сидят Кармайн и Делия Уинтерс. На вид им лет по сорок с небольшим. Кармайн подтянут, а на его подкрученные усы ушло столько воска, что на них, кажется, можно повесить полотенце. У его красавицы жены – темные волосы и подрисованные карандашом брови. Кармайн одет в футболку с логотипом Университета Британской Колумбии, а Делия – в голубую майку. На столе лежат две сложенные кофты, тоже с логотипами университета. На лицах у пары застыло выражение, свойственное тем, кто увидел нечто шокирующее и одновременно захватывающее. Например, авткатастрофу.

Я подхожу к ним и представляюсь.

– Вы знаете, кто это? – спрашивает Кармайн.

– Да, но мы пока что не можем раскрыть эту информацию, – отвечаю я.

– Мы уже рассказали полиции все, что знаем, – говорит Делия.

Муж кладет руку ей на плечо. Очевидно, она не хочет повторять свой рассказ из-за того, что это больно, а не из-за того, что ей все равно.

– Мы можем рассказать еще раз, – говорит Кармайн. – Просто мы немного шокированы. Не ожидали наткнуться на мертвое тело.

Никто не ожидает. А те, кто натывается, помнят про это всю жизнь.

– Я понимаю, что для вас это большое потрясение, – говорю я. – Мне просто хотелось бы услышать подробности.

Мне отвечает Делия.

– Мы приехали из Ванкувера, – медленно говорит она, глядя мне в глаза. – Но сглупили – не подумали, что в День поминовения здесь будет так много народу. У вас тут, в Америке, столько людей погибло в ходе войны.

Она ненадолго замолкает, а потом продолжает рассказ:

– Мы смогли поселиться в последнем свободном коттедже на пляже Мар-Виста.

– Кто-то отменил свою бронь, – добавляет Кармайн. – Повезло.

– Единственное, в чем нам повезло в этой поездке, – говорит Делия.

– Мы решили поплавать на каяках. Прямо с утра. Было довольно рано – часов семь? Да, Ди?

Она кивает.

– Да. Дул попутный ветер, мы добрались сюда минут за сорок. У меня была с собой еда и кофе, и мы решили перекусить у «осьминожьей дыры».

– Да, – говорит Кармайн. – Я плыл следом за Ди, так что она увидела тело первой.

– Я подумала, это надувная кукла. Даже неловко. Мы никогда не видели таких кукол, но было действительно похоже. Она была голой. Качалась на воде вверх-вниз.

– Мы подплыли ближе, – продолжает Кармайн. – Она запуталась в тростнике, и я потыкал ее веслом. Мне казалось, это какой-то розыгрыш.

– Я тоже так подумала, – говорит Делия. – Теперь-то, конечно, ничего смешного в этом нет.

Они рассказывают, как поспешно доплыли до берега и набрали 911.

– Вы видели поблизости кого-то еще? – спрашиваю я.

– Нет, – говорит Делия. – Здесь были только Кармайн и я. И она, конечно, – Делия смотрит в сторону тела.

– Может быть, вы заметили неподалеку автомобиль? – говорю я. – Грузовик? Другое средство передвижения?

Вновь отрицательный ответ.

Монтроуз беседует с несколькими прохожими, пришедшими посмотреть на обнаруженное тело. Наверняка гадают, нет ли среди них убийцы. Он верит, что убийцы возвращаются на место преступления. Я? Я с таким не сталкивалась.

– Днем здесь, наверное, полно народу, – говорит Кармайн. – Но дело было ранним утром. Было довольно прохладно. К тому же, без обид, американцы любят поспать подольше, так?

Я слегка улыбаюсь в ответ:

– Возможно, вы правы.

Я задаю Уинтерсам стандартные вопросы. Делия – администратор в Университете Британской Колумбии. Кармайн работает на «Муджи», японскую торговую сеть, и строит для них новые магазины. Я знаю, что, вернувшись домой, Уинтерсы будут рассказывать эту историю снова и снова. Они забудут все про этот отпуск, за исключением безжизненного тела Софи Уорнер в прозрачной голубой воде так называемого единственного фьорда Америки.

Они будут рассказывать лишь про мертвую женщину.

18

Адам

Я возвращаюсь в «Глицинию», чтобы собрать свои вещи. И вещи Софи. Что еще мне остается? Я мог бы сидеть в машине и рыдать. Но у меня кончились слезы. Кажется, будто все это происходит с кем-то другим. Не со мной. Больше нет смысла здесь оставаться, я знаю. Софи мертва. Ее тело нашли. Я знаю, что все это взаправду. Все это случилось на самом деле, и я ничего не могу изменить.

Я нахожу ее солнечные очки – винтажная модель от Fendi. Они смотрят на меня с обеденного стола. Я кладу их в футляр и вспоминаю, как Софи купила их во время нашей поездки на Мартас-Винъярд.

Хорошее было время. Глядя на очки, я невольно начинаю вспоминать все то, за что я полюбил Софи, все то, что постепенно исчезло из нашей жизни. Наши отношения разладились еще до рождения Обри. Знаю, отчасти это моя вина. Я был занят. Мне казалось, что чем больше я вложу в работу, тем больше получу взамен. Идиот. У меня не оставалось времени на Софи. Брак, который был мне так дорог, начал трещать по швам. Софи пыталась уберечь нас от этой участи. Я помню. Она встречала меня долгими поцелуями. Писала мне, предлагая провести время вместе. Съездить куда-нибудь. Сходить в ресторан. Она находила отговорки, чтобы нам не приходилось иметь дело с ее родителями, точнее – чтобы я не пересекался с ними лишний раз.

Я был слеп, но она не отступала. Софи привыкла бороться. Она всегда заступалась за других и только потом за себя. Да, у нее были перепады настроения. Хотел бы я знать, насколько я виноват в ее депрессии.

Мы были судном, медленно идущим на дно. Я спал на диване почти половину времени. Мы никогда не произносили вслух слово «развод», но оно маячило над нами. Я все время задерживался на работе. Ходил куда-то с друзьями. Она делала то же самое. Помню, как я возвращался домой, и дом казался мне неудобным, как отельный номер.

А потом все изменилось.

Я вернулся с работы и обнаружил, что дом пропитался ароматом знаменитой лазаньи Софи. Знаменитой, потому что я не уставал нахваливать ее, когда разговор заходил о любимых блюдах.

Теперь, когда Софи не стало, я вспоминаю тот день – наше новое начало. Мы вместе посмеялись над тем, во что превратилась наша семья.

– Мне не нужен сосед по комнате, – сказала она.

– Мне тоже, – ответил я.

– Я устала быть одинокой, даже когда ты сидишь рядом со мной, Адам.

Она заплакала, и я обнял ее.

– Как мы дошли до такого? – сказал я.

– Все из-за меня, – сказала она. – Это моя вина. Все эти заботы навалились одна на другую, и я попросту отключилась.

– Я тоже виноват, – признал я. – С головой ушел в работу. Забыл, что действительно важно. Да, я виноват.

После ужина мы занялись любовью, и я всю ночь держал Софи в объятиях. Мы вновь нашли друг друга. Это наш второй шанс, думал я, а третий нам уже не понадобится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.